

ВИКТОР ХОРОШУЛИН
ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВ

**Люди и тени. Тайна
подземелий Кёнигсберга**

Валерий Сергеев

**Люди и тени. Тайна
подземелий Кёнигсберга**

«Издательские решения»

Сергеев В.

Люди и тени. Тайна подземелий Кёнигсберга / В. Сергеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831203-8

Возможно ли создать искусственного человека? Даже сейчас, когда уже синтезируют ткани для трансплантации человеческих органов... Но в древности, видимо, кем-то эта задача решалась. Поэтому и существуют среди нас бездушные и бессмертные существа — гомункулы. Они — везде. Это они, находясь при власти, отдают и исполняют невероятные по жестокости приказы и частенько уходят от ответа...

ISBN 978-5-44-831203-8

© Сергеев В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I. Странные люди при дворе герцога Альбрехта	9
Глава 1. Беседа старых друзей возле Замкового пруда	9
Глава 2. Размышления доктора Волькенштайна	15
Глава 3. «Диагнозы» доктора Волькенштайна	23
Глава 4. Вино и кровь	30
Глава 5. Тайная дипломатия на службе герцога Альбрехта	38
Глава 6. Тайная дипломатия в райском уголке	44
Глава 7. Чертовщина в окрестностях Нойхаузена	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Люди и тени. Тайна
подземелий Кёнигсберга**
Виктор Анатольевич Хорошулин
Валерий Васильевич Сергеев

© Виктор Анатольевич Хорошулин, 2017

© Валерий Васильевич Сергеев, 2017

ISBN 978-5-4483-1203-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Сунцов, да по твоим протоколам можно фильмы ужасов снимать! – Начальник «убойного» отдела, майор Ушаков, насадил на переносицу очки в позолоченной оправе и постучал желтым от курева пальцем по измятым листам бумаги, скрепленным степлером. – Как же ты любишь красивенькие обороты, художественные образы и дурацкие аллегии!.. Признайся, коллега, где ты черпаешь вдохновение, ведь работаешь с трупами? Уж не принимаешь ли, случайно, грамм сто «допинга», перед тем, как писать очередной отчет?

– Я не пью, товарищ майор, и этой ночью тоже был абсолютно трезв, просто немного перенервничал и устал... – невозмутимо отвечал уже привычный к подобным подначкам молодой следователь. – Ведь нас вызвали на место происшествия в три часа ночи... Если помните, тогда была ужасная гроза!

– Кто вызвал? – майор раскрыл серебряный портсигар и вытянул оттуда сигарету. Изучающе посмотрел на неё, аккуратно сунул в рот, щёлкнул зажигалкой.

– Наряд патрульно-постовой службы, а им позвонила дежурная сестричка из терапевтического отделения клиники: ей, видите ли, померещилось, что какой-то голый мужичок в окошко заглядывает. Когда наряд прибыл на место, то эксгибициониста, конечно, давно и след простыл, но при обходе территории ребята обнаружили весь этот ужас...

Перед глазами молодого человека вновь промелькнуло всё увиденное им прошлой ночью. Он невольно поёжился.

– Свидетелей опросили? – Ушаков снова углубился в чтение отчёта, пытаясь найти в нём нечто, отличающееся от «фильма ужасов».

– Да там, откровенно говоря, опрашивать некого: персонал и больные спали в своих корпусах, ничего не видели и не слышали. Ведь морг расположен на отшибе, с отдельным въездом, а в нём самом нашли только три старых и один свежий труп... – отчеканил следователь.

– Интересно, как же ты их различал? – вновь с неприкрытой издевкой спросил начальник. – По запаху?

– Никак нет, по внешнему виду и характеру повреждений... Умершие, которых накануне из своих квартир доставили, все с бирочками, голенькие и аккуратные, а убитый – в медицинском халате и изодранный в клочья... Видели бы вы, сколько там кровищи, даже на потолке! Я все это указал в протоколе и сфотографировал... И самое странное... Ещё одно тело... то, которое, судя по всему, вскрывал врач... оно пропало...

– Как это пропало? Убежало что ли? – майор в упор взглянул на молодого коллегу.

– Вообще-то на кафельном полу есть отпечатки следов босых ног, ведущие к выходу...

– Ты хочешь сказать, что мертвец после вскрытия встал и ушел? Слушай, Сунцов, увольняйся к чёртовой матери из органов и ступай в юмористы! Там от тебя толку будет больше... – Ушаков никак не мог взять в толк, издевается ли над ним молодой специалист или они действительно столкнулись с чем-то необычным. Это чрезвычайно раздражало и удручало его.

– Конечно же, мёртвые не ходят... – флегматично рассуждал Сунцов, – Скорее всего, следы преступника, когда он входил в прозекторскую, просто не сохранились, а вот, когда он, убегая, наступил в лужу крови – остались...

– Но почему он был босым?

– Не могу знать... Но вдруг это все-таки тот человек, которого попытались вскрыть? Может, от боли очнулся... Я как-то читал в одной книжке...

– А почему ты решил, что прозектор кого-то вскрывал?

– Вот с этим все просто: есть журнал регистрации, в котором оформлено четыре трупа, а еще нам повезло... среди прочих вещдоков мной изъят диктофон с аудиозаписью вскрытия. На мой взгляд, в нём много необычного...

– Ну-ну, и что именно? – Майор заёрзал на стуле и носком ботинка принялся отстукивать морзянку, выдавая свое нетерпение.

– В начале записи нет ничего особенного: дата, время... тело неопознанного мужчины, доставленного с ДТП (наезд на пешехода) ... на вид тридцати пяти лет, тонкие черные усы и аккуратная бородка... зубы... цвет глаз... зрачки расширены, кожные покровы и слизистые... Короче, прекрасный словесный портрет... Но затем начинаются странности... Это лучше послушать в оригинале...

Сунцов вынул из кармана миниатюрный прибор и вручил его шефу. Тот нажал кнопку воспроизведения записи. Монотонно и буднично зашелестел немолодой мужской голос:

«...Судя по многочисленным шрамам, подопечный прожил слишком бурную жизнь. Но на маргинала или уголовника он не похож... Нет ни одной татуировки... Скорее всего психопат...

На левой половине грудной клетки, в четвертом межреберье по средне-ключичной линии, как раз над проекцией сердца, продольный старый рубец длиной четыре с половиной сантиметра... Удивительно... После такого ранения обычный человек не смог бы выжить...

Но почему у него нет сосков? Что за чёрт? Отсутствует *umbilicus*¹!.. Первый раз такое вижу! (далее послышались непонятные шорохи и учащенное, видимо от физической нагрузки, дыхание прозектора) ... При вскрытии грудной клетки и брюшной полости отмечается транспозиция внутренних органов (*situs inversus*)»...

– Ты случайно не знаешь что это такое? – Ушаков остановил запись, и впервые обратился к подчиненному, как к своей ровне.

– Я уже заглянул в Интернет, – вставил свои «пять копеек» довольный Сунцов. – Оказалось, это – крайне редкая аномалия. Сам термин имеет значение «перевернутое расположение внутренних органов», называемое еще «зеркальным» или «обратным», и встречается не чаще, чем у одного человека на десятки тысяч. Сердце у таких людей расположено в правой стороне грудной клетки, желудок и селезёнка в правой стороне живота, а печень, желчный пузырь и аппендикс – слева. Лёгкие и кишечник, нервы и сосуды также перевернуты... Причины этого явления – загадка для специалистов. Но существует версия о том, что люди с зеркальным расположением органов обладают уникальными, даже сверхъестественными, способностями...

– ...Сунцов, ты опять за своё? – одёрнул его майор, и вновь включил диктофон. После длительной паузы, сопровождаемой каким-то совсем неаппетитным чавканьем, послышался удивлённый голос прозектора: «Но... я не нахожу у него сердца... Впервые такое встречаю... Чёрт знает что! Это даже не аномалия! Такого просто не может быть!!!»...

На несколько секунд голос прервался. Затем в полной тишине внезапно раздался оглушительный хлопок.

«...! Чёрт возьми, это же шаровая молния! Она влетела в открытую форточку и едва не убила меня!.. Похоже, её притянуло к себе тело моего пациента! Спасибо тебе, мой полный аномалий дружок, за то, что ты отвёл от меня беду!..»

И ещё через несколько секунд: «Боже, он вздохнул!.. – И далее уже шёпотом, видимо, у врача перехватило дыхание: Что это?.. – было слышно, как на кафельный пол посыпались металлические предметы, видимо, инструменты. – Не может быть!.. Этого не может быть...» Последовало какое-то рычание и пыхтение, звук от падения чего-то тяжёлого и мягкого, удаляющиеся шаги и, наконец, все стихло...

– Хорошо, протокол покажем экспертам... – Ушаков снял очки, провел ладонью по уставшим глазам и обратился к подчиненному:

– Итак, отбрасывая в сторону «оживший» труп без сердца с ненормальным расположением органов... мы имеем дело с пропажей этого самого трупа и убийством свидетеля... Но кто

¹ Пупок (лат.).

он и куда мог деться? И что это за человек, который голышом разгуливал по больничному парку?.. Ты что-нибудь понимаешь, Коля?

Сунцов пожал плечами.

На некоторое время в кабинете повисла тревожная пауза. Настойчиво жужжал вентилятор, пытаясь пропихнуть потоки воздуха сквозь застывшее в ожидании прокуренное пространство. Майор затушил сигарету о пепельницу, снял очки и бросил их на исписанные листы. Поднялся из-за стола.

– Итак, – потерянным голосом произнёс Ушаков. — Какие у нас версии случившегося?

– Я считаю, что данное тяжкое преступление совершено с целью сокрытия какого-то другого преступления... А, учитывая...

– Стоп! – рука майора вновь потянулась к портсигару. – Вот это, Коля, – кивок в сторону диктофона, – мы приобщать к делу не будем... Вдруг у доктора случились галлюцинации... Ну, там каких-нибудь поганок в чай подсыпали... Ведь такое могло быть?

– В принципе, да...

– Я тоже так думаю... Может произойти так, что в журнале что-то напутано? Сам доктор и напутал... Нездоров он был на момент вскрытия, понимаешь? – Ушаков покрутил пальцем у виска. – Тогда всё встаёт на свои места! Никакого трупа не было, никаких шаровых молний и странных патологий – тем более... Хорошо бы для начала расспросить о нём коллег.

Майор вышел из-за стола и вплотную приблизился к молодому сотруднику.

– Если мы вынесем весь этот бред за пределы нашего кабинета, Николай, нам самим обеспечена психушка. Надеюсь, ты меня правильно понял...

– Да, конечно...

– Так значит, что мы имеем в сухом остатке? Неизвестного эксгибициониста, ворвавшегося в морг, и напавшего на специалиста-проектировщика... Ну, мало ли у нас разных извращенцев, с его поиском мы как-нибудь справимся... Что ты на это скажешь?

Сунцов шмыгнул носом.

– Хороший диктофон, – наконец, выдал он. – «Сони»...

Часть I. Странные люди при дворе герцога Альбрехта

Глава 1. Беседа старых друзей возле Замкового пруда

«Я мог стать сказочно богатым и купаться в роскоши, мои желания исполнялись бы быстро и беспрекословно... Только судьба распорядилась совсем иначе... Но в моей душе нет и тени обиды. Я благодарен Создателю за то, что остался жив и имею возможность радоваться солнцу и растить своих детей...»

Я же их простил...»

Да будет то, что есть, а враги... пусть теперь сами замаливают свои грехи.

Начало августа на Самбийском полуострове выдалось совсем не летним. По Балтийскому морю гуляли штормовые ветра, прилетевшие откуда-то из Швеции, они подняли высокую волну и заполнили небо лохмотьями грязных туч. Не по сезону затяжные и холодные дожди уже целую неделю нагоняли тоску на жителей Кёнигсберга.

Вечером, 8 августа 1564 года, пользуясь временным затишьем в разбушевавшейся непогоде, вдоль северного крыла Королевского замка, оживлённо беседуя между собой, прогуливались два человека. Были они довольно важными персонами, поскольку сам комендант Замка барон Отто фон Трейт лично расставил караулы, дабы жители Замковой слободы, иногда сходящиеся здесь по делу или без дела, не могли помешать непринуждённой беседе этих знатных господ.

Даже издали было заметно, что собеседники – люди весьма почтенного возраста. Мужчина, выглядевший старше и солиднее, видимо, сильнее страдал от пронизывающего северного ветра. На его широких плечах (очевидно, из-за опасений получить простуду) красовалось тёмное шаубе, под которым скрывалась короткая куртка. Длинные узкие штаны и высокие сапоги свидетельствовали о том, что данный господин не очень-то увлечён испанскими костюмами, и одет несколько старомодно, что, впрочем, было простительно для его лет. Гордо поднятую голову украшала чёрная широкополая шляпа, с которой довольно своеобразно контрастировала шевелящаяся на ветру ухоженная седая борода. На боку висела шпага-фламберг.

Звали этого господина не иначе как Альбрехт маркграф фон Бранденбург-Ансбахский. Он был первым герцогом Пруссии и последним Великим магистром Тевтонского ордена. На ту пору ему исполнилось 74 года.

Его сопровождал доктор Томас Волькенштайн, врач, астролог и хиромант, прибывший из Кракова по личному приглашению герцога. На вид ему было не менее шести десятков лет. Усы, небольшая седеющая бородка и живые пронизательные глаза, обрамленные сеточкой морщин – так выглядел гость герцога. С первого же взгляда на него создавалось впечатление, что снимая перед герцогом головной убор, он никогда «не снимает свою голову».

Было заметно, что доктор приехал сравнительно недавно, поскольку ещё не сменил туалет и находился в дорожной одежде. На нём хорошо сидела плотная куртка, поверх которой была надета короткая мантия с большими вздутыми рукавами, застёгнутая на груди. Широкие штаны имели продольные полосы. Такими же полосатыми были и чулки. А вот обувь казалась явно подобранной для дальней и утомительной дороги: модным остроносым туфлям прибывший издалека господин предпочёл плоские башмаки типа «коровья морда». Голову Томаса Волькенштайна украшал тёмный берет. На боку висела короткая шпага с плоским клинком и итальянской гардой.

По своему обыкновению, герцог в непринуждённой беседе не утруждал себя правилами придворного этикета. Со своими добрыми знакомыми он общался, не церемонясь, «по-свойски»:

– Как я рад, дружище, что ты не пренебрёг моим приглашением и прибыл сюда, хотя тебе наверняка пришлось бросить множество важных дел! Ведь мы не виделись, почитай, три десятка лет!

– Я, ваша светлость, как только получил от вас письмо, не смог сдержать своих чувств...

– Милый друг, не надо «ваших светлостей», называй меня так же, как и я тебя! *Amici vitam ornant!*² ... – Я часто вспоминаю свои прошлые годы, и гороскоп, который ты составил для меня сорок лет назад! Ты был тогда совсем молод, даже юн... и я сильно сомневался, что предсказание окажется точным и правдивым. Но, время показало, что и в свои двадцать лет ты был уже весьма учёным человеком и настоящим мастером своего дела! – Герцог сделал небольшую паузу, чтобы отдышаться. – Ты предрёк мне долгую жизнь и множество великих свершений... Кто знает, взялся бы я за столь серьёзные, а порой – судьбоносные дела, не будь убеждён, что ко мне благоволит Господь, и звёзды прямо указывают на это!

– И звёзды, и линии на ладони... Но разве можно было предвидеть, насколько ваши свершения окажутся величественны...

Доктор Волькенштайн бросил взгляд на темнеющее неприветливое небо. Герцог заметил это:

– Да, дружище Томас. С погодой нам не повезло. Но это ненадолго, день-два и к нам снова вернётся лето...

В Альтштадте на местной ратуше мелодично пробили башенные часы.

– Ты прав, сделано много доброго, – продолжил герцог. – Пожалуй, единственное, чего мне не удалось достичь, так это – освободить Пруссию от опеки польской короны...

Он задумался, замедлив и так не очень торопливый шаг.

– А я старался это сделать всю свою жизнь... Одно хорошо, что удалось избежать большой войны. Тогда, после перемирия в Торне, я был готов сражаться до конца, но... известные события... напрочь изменили мои помыслы... Воистину, *ad augusta per angusta*³.

Оба вспомнили те далёкие времена, когда с 1517 по 1521 год Тевтонский орден воевал с Польшей. Временное перемирие Великий магистр собирался использовать для того, чтобы выпросить помощь у императора, поскольку из самой Пруссии эта война уже вытянула все соки... Но, случилось так, что в этот период Господь свёл Альбрехта Бранденбургского с Филиппом Меланхтоном и Мартином Лютером...

– Я люблю такие вечерние прогулки на свежем воздухе, – признался герцог, отрываясь от воспоминаний. – В последнее время без них мне долго не заснуть... Старость.

Лютер... В беседах с ним, Альбрехт чувствовал, как в глубине его души что-то просыпается и обновляется... Также как луг или сад молодеют и расцветают после теплого майского дождя. Порой начинало казаться, что всю предыдущую жизнь он брёл наугад, блуждал, спотыкаясь в потёмках, или слонялся из одного угла в другой, находясь в тесной и душной келье... И вдруг перед ним открылась дверь в совершенно новый мир, яркий и бескрайний. Но, чтобы коренным образом изменить свою жизнь, потребовалось всё его рыцарское мужество...

В ту пору Центральная Европа была охвачена идеей Реформации⁴, поскольку католическая церковь уже в полной мере проявила своё бездушие, лицемерие и кровожадность. Аль-

² Друзья украшают жизнь (лат.).

³ высоких целей достигают, преодолев большие трудности (лат.).

⁴ Широкое религиозное и общественно-политическое движение в Западной Европе XVI – начала XVII века, направленное на реформирование католического христианства в соответствии с Библией.

брехт тоже стал сторонником «преобразований» и они на долгое время стали ему опорой во всех начинаниях.

Он добился того, что Тевтонский Орден прекратил своё существование. В открытом письме «К рыцарям Немецкого ордена» Альбрехт убедил воинов бросить распутный образ жизни, в котором погрязли многие братья вопреки обету безбрачия, и перейти к истинному целомудрию, а именно – супружескому.

Словом, рыцари-тевтонцы вскоре стали помещиками-землевладельцами, Пруссия превратилось в светское государство с лютеранским вероисповеданием, а Краковский договор 1525 года утвердил её ленную зависимость от Польши.

Сколько же всего, без преувеличения доброго и славного, было совершено после этих событий! Стараниями Альбрехта Брандербургского крепло и богатели герцогство Пруссия, сглаживались религиозные распри, подавлялись вооружённые конфликты. Строились дома, ширились города, преумножались библиотеки и галереи. Был учреждён Университет, а каждый просвещённый человек стал желанным гостем в Кёнигсберге... Неустанно развивалась торговля с соседними странами. «Давайте жить со всеми народами в равенстве, чтобы не было разобщения между нациями» – таков был призыв герцога Альбрехта к жителям Кёнигсберга и его подлинное жизненное кредо...

Доктор Томас мельком взглянул в лицо герцога, увлечённо рассказывающего о Королевском замке, чьи стены обрамлялись зелёными липами. Время превратило широколицего богатыря с чёрной бородой и насмешливыми глазами в морщинистого старика с нездоровой желтизной кожи и бесцветным взглядом. «Не иначе, колдовство или порча?» – мелькнула невесёлая мысль у старого доктора. Он хорошо разбирался в подобных вопросах и умел ставить правильные диагнозы. Не давала покоя и какая-то недоговоренность со стороны его вельможного друга. В полученном от герцога письме говорилось, что Альбрехт приглашает его отметить двадцатилетие основания Академии или – Университета, как её ещё часто называли. Но, что-то подсказывало пожилому врачу, что дело тут в чём-то другом. Так в чём же?

Тем временем, герцог завёл речь о новых замковых пристройках, о залах и галереях, о бесценной Немецкой библиотеке – подлинном сокровище Пруссии.

– Мой почтенный друг, – осмелился обратиться доктор к герцогу, едва тот сделал паузу в разговоре. – Проявляя заботу о Замке и его обитателях, боюсь, вы недостаточно времени уделяете собственному здоровью... Уж простите меня, но врач – всегда и везде врач... Позвольте поинтересоваться, не беспокоит ли вас печень?

Брови герцога поползли вверх.

– Печень? Как ты догадался, дружище? – Альбрехт остановился и пристально взглянул на гостя. – У меня это написано на лице?

– Не совсем так, ваша светлость... Я определил это по окраске склер ваших глаз и форме ушных раковин. – Я бы порекомендовал вам принимать отвар ромашки с чередой, а каждое новолуние поститься в течение трёх дней...

– Вот как, – медленно произнёс герцог. – Мои лейб-медики об этом ничего не говорили...

– И прошу вашу светлость... меньше пить вина. *Abusus in baccho*⁵ – серьёзная помеха здоровью и делам!

– Ха-ха! Вот в этом ты абсолютно прав! *Ebrietas est metropolis omnium vitiorum!*⁶ Но я уже борюсь с этим пороком. Мне в том здорово помогает мой... друг и соратник Пауль Скалих! Слышал ли ты о нём, дружище Томас?

Как не слышать? В Кракове и в Вене только и было разговоров, как об ушлом молодом человеке, хорватском простолюдине, сумевшем приблизиться к герцогу Альбрехту настолько,

⁵ Злоупотребление вином (лат.)

⁶ Пьянство – столица всех пороков (лат.).

что тот стал безгранично ему доверять. Говорили, что Скалих не только получил доступ к финансовым делам герцога, но и был способен сместить того или иного советника, а на его место назначить другого. От Альбрехта он получал и значительное жалование, и поместья в личную собственность, и, разумеется, драгоценности.

– Как же... – доктор дипломатично подбирал подходящие слова, – князь Скала, такой у него титул... талантливый и весьма образованный человек. В восемнадцать лет – уже доктор теологии в университете Болоньи! – Томас внимательно следил за реакцией герцога. Тот улыбался и кивал головой. – Он умён, знает множество иностранных языков, ваш преданный слуга и... советник!

– И это ещё не всё, мой дорогой друг. Пауль Скалих умеет вызывать духов и выведывать у них разные тайны. Он довольно молод, ему всего тридцать... Но он уже известный учёный и читает лекции в нашем Университете. Кстати, – герцог махнул рукой в сторону Трагхайма, где среди прочих домов и домишек располагался роскошный особняк, – вон его резиденция! Позже ты познакомишься с ним поближе и оценишь его... таланты.

«Герцог до сих пор питает пристрастие к разного рода магам, – с грустью подумал доктор. – Не мудрено, что среди них нашёлся тот, кто оказался способен очаровать бедного старика. Не извольте беспокоиться, ваша светлость, уж я присмотрюсь к молодому проходимцу».

Альбрехт между тем рассказал о спиритических сеансах, которые проводил Скалих. С его слов, однажды был вызван дух первой жены герцога, Доротеи. При этом дух «открыл» такие подробности из личной жизни властителя, которые могла знать только она. Герцог не забыл упомянуть и тот факт, что во время проведения одного из таких сеансов ему вдруг стало очень дурно и придворные врачи едва привели его в чувство...

«Действительно, этот Скалих – довольно опасный тип... А добрый Альбрехт, по-видимому, давно уже у него на крючке» – подумал доктор, но спросил следующее:

– А как поживает ваша нынешняя супруга, Анна Мария Брауншвейгская?

– О-о, – герцог улыбнулся. – Анна Мария подарила мне наследника, ему уже одиннадцать! Но сейчас ей скучно в обществе старика, – он улыбнулся ещё шире. – Ведь ей всего тридцать два. Она часто отлучается к себе в Нойхаузен, где проводит время в чтении и беседах с учёными людьми, а также по-своему облагораживает свою резиденцию. Благодарю тебя, дружище Томас, с ней всё в порядке.

«Скалих и Анна Мария?.. – мелькнуло в голове у пожилого астролога, – что ж, очень может быть... Оба молоды...». Вопрос же задал такой:

– А как себя чувствует ваш наследник Альбрехт Фридрих?

Видя, как герцог изменился в лице, доктор Волькенштайн понял, что он близок к разгадке мучавшего его вопроса.

– Спустимся к Замковому пруду, – предложил Альбрехт. – И я тебе всё расскажу...

Они изменили направление своего движения и начали постепенно удаляться от северного крыла Замка. Бравые «гвардейцы» фон Трейта, зная обычный маршрут герцога, предусмотрительно заняли новые позиции, ограждая своего правителя от нежелательных встреч.

Ветер дул в лицо, правда, сил у него заметно поубавилось. Оранжевое пятно солнца, едва проглядывающее сквозь растрёпанные тучи, приблизилось к крышам Трагхайма, находящегося на западе от Замкового пруда. Поверхность воды тускло поблёскивала, покрывшись мелкой рябью, словно «гусиной кожей».

– Здесь я любил посидеть с удочкой, – вспомнил герцог, когда оба собеседника приблизились к водоёму. – С обыкновенной ореховой удочкой. А поплавков у меня был из сосновой коры, вощёный... И ловил я... вьюнов.

Они немного помолчали. С обоих берегов пруда, с Трагхайма и Росгартена слышался цокот подков и скрип колёс – народ возвращался с альтштатского рынка. Редкие прохожие,

увидев стражников и важных персон, прогуливающих неподалёку от Королевского замка, тут же удалялись, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания охраны.

– Именно о наследнике я и хотел с тобой поговорить, мой друг. Я не могу определённо сказать, насколько серьёзно он болен, да и болен ли вообще... По двору кто-то распускает упорные слухи о том, что Альбрехт Фридрих не в себе, что он слабоумен и даже помешан...

Тяжело вздыхая и часто останавливаясь, тщательно подыскивая нужные выражения, герцог поведал старому другу о своём сыне, несчастном Альбрехте Фридрихе. По его словам, младенца вскармливала кормилица, болеющая сифилисом. Видимо, от этого, а может быть, от перенесённых в раннем детстве простуд, наследник и начал страдать душевной болезнью.

– Мой дорогой друг, то, что я тебе рассказываю, должно остаться тайной. Я не хочу, чтобы подтвердились мои худшие опасения, но и утаивать от тебя ничего не стану...

Итак, герцог Альбрехт страстно желал сына. Анна Мария родила его на четвёртом году их брака. Странности начали проявляться сразу после рождения ребёнка. Он долго не давался в руки, кормить грудью его приходилось довольно своеобразно: кормилица наклонялась над ним, и малыш ловил сосок губами...

– Фридрих до сих пор не терпит ничего прикосновения, даже материнских рук, – тихо говорил герцог Альбрехт, отрешённо глядя куда-то в сторону. – Мальчик очень пуглив: лёгкий хлопок ладонями может вывести его из себя...

Рассказывая эту грустную историю, герцог менялся буквально на глазах, превращаясь в дряхлого старика. Он сообщил о том, что наследник время от времени теряет всякий интерес к жизни, замыкается в себе и может часами сидеть, глядя в одну точку. В эти периоды в его глазах отражается только тоска и страдание. Он не терпит проявлений ласки, а присутствие рядом кого-либо из слуг или членов семьи только раздражает его.

– Итак, – ответил доктор, едва герцог закончил свою горестную речь, – наследник нелюдим и малообщителен... Но слабоумен ли он? Сомневаюсь... Те симптомы, что вы перечислили, свидетельствуют о наличии меланхолии, но её можно попробовать вылечить...

– Придворные лекари утверждают, что он... неспособен ни к учёбе, ни к дальнейшему управлению герцогством... И лекари, и советники. Порой мне кажется, что они ошибаются или умышленно вводят меня в заблуждение... Но, всякий раз обнаруживаются новые факты, которые отменяют напрочь все мои сомнения в его недугах и надежду на исцеление. Мой сын, моя самая великая драгоценность... Порой, мне говорят, что он пошёл на поправку: учит латынь, историю, философию, рассуждает о политике. А потом утверждают, что это были лишь временные прояснения рассудка... Я уже начал подозревать, нет ли среди моих придворных какого-то заговора... Но для чего им так больно ранить любящее отеческое сердце?

Доктор промолчал. На своём веку он повидал и настоящих больных, и мнимых... Поэтому не спешил с ответом.

– Прежде чем что-то сказать, мой достопочтимый друг, я должен осмотреть вашего сына. Но сначала не как врач. Мне нужно понаблюдать за ним со стороны... Кстати, где он сейчас?

– С матерью, в Нойхаузене.

– Это – первое. Затем, мне необходимо оценить обстановку при дворе, почувствовать и разобраться, кто чем дышит. Это – второе...

Герцог пристально взглянул на опытного доктора.

– Оставайся в Замке, дружище! На столько времени, сколько тебе понадобится! Всё, чем я могу помочь, будет к твоим услугам! На днях мы соберём всех приближённых и устроим праздник по случаю двадцатилетия нашей Академии. А моя супруга с сыном пожалуют сюда уже завтра. Ты же смотри, делай выводы и... найди способ мне помочь!

Они подошли к самой воде. С грустью глядя на желтеющие листочки, которые волны полоскали у самого берега, герцог печально произнёс:

– Я сейчас нахожусь в самой крайней точке своего жизненного пути... У обрыва... Сколько лет или дней даст мне ещё Господь? Я уже стар. Но я хочу умереть на процветающей земле, среди верных подданных, окруженный заботой любимой жены и наследника!

Затем на мгновение задумался и добавил:

– Раньше пруд был чище... А сейчас люди понастроили по берегам дома и стали сливать в него нечистоты...

– Да, – рассеянно подтвердил доктор Томас. – Город разрастается...

– А вьюн... Знаешь ли ты, что это за рыба? Чёрная, ужасно похожая на змею. С хоботками вокруг рта... Схватишь его рукой, а он извивается, даже, порой, пищит! Скользкий и сильный. И в руке его не удержать... Думаешь, вот он, попался, уже никуда не уйдёт! А уж если вьюн начнёт извиваться, то не успеешь и глазом моргнуть, как он уже выскользнул из твоих рук... Только и оставит на память, что слизь на ладонях...

Глава 2. Размышления доктора Волькенштайна

«Множество людей считает Королевский замок чуть ли не своим домом. Одни приходят сюда по утрам исполнять служебные обязанности, другие живут здесь постоянно. Но все ли любят его так, как должно любить собственный дом?»

Я думаю, что сюда идут даже те, кто хотел бы бежать от этого Замка как можно дальше, но они приходят, преодолевая свой страх и отвращение...

По-моему, сам Замок воздействует на людей, заставляя их приезжать сюда вновь и вновь. Но иногда мне кажется, что он притягивает к себе не только людей...»

Строиться Кёнигсберг начинал с Замка на Королевское горе. История его возведения довольно проста. Тевтонские рыцари, во главе которых стоял чешский король Оттокар II Пржемысл, в погоне за разрозненными отрядами свободолюбивых пруссов, вышли на гору Твангсте, неподалёку от того места, где река Прегель делится на два русла. Оценив стратегические преимущества данной местности, крестоносцы решили основать здесь крепость. Случилось это в самом начале 1255 года. Первые оборонительные сооружения возводились из дерева. Уже в 1260—1262 годах крепость выдержала жесточайшую осаду восставших пруссов. Впоследствии, мятежный народ удалось усмирить, а замок Кёнигсберг продолжил своё развитие, растянувшееся на долгие годы. Его, выложенные уже из камня, стены достигали высоты 10—13 локтей, их ширина составляла 3—4 локтя⁷. Он постоянно перестраивался и расширялся, становясь всё более мощным и неприступным. Но, наступили времена, когда, увы, стены Королевского замка перестали быть надёжной защитой от мощной артиллерии. И тогда он, утратив своё стратегическое значение, постепенно стал превращаться в громадное здание, сочетающее в себе «строгость» крепости и пышность дворца. Во внутренних помещениях Замка стали размещаться самые ценные произведения искусства, включающие полотна великих мастеров, изделия из янтаря, серебра и золота, мраморные скульптуры, ковры и гобелены, роскошное оружие и доспехи, а также книги.

С 1525 года Королевский замок стал официальной резиденцией герцога Альбрехта, первого светского правителя Пруссии. Крепость всё более походила на дворец, а дворцу не нужны казематы, тесные орденские кельи, караульни и узкие бойницы вместо окон. Он нуждался в роскошных залах, в удобных покоях для герцога и членов его семьи, многочисленных помещениях для гостей и прислуги.

Стараясь соответствовать духу своего времени, герцог Альбрехт решил полностью перестроить и украсить Замок. Удлинилось северное крыло, в его восточной части разместились просторные Московитские палаты⁸. В 1525 году было заново возведено западное крыло. В 1532 году на восточной крыле Замка появилась основательная пристройка, названная «Альбрехтсбау». Находилась она в непосредственной близости от широких ворот. На самих воротах красовалась надпись «*Turris Fortissima nomen Domini*»⁹ и личный девиз герцога: «Доброта к верноподданным, но борьба не на жизнь, а на смерть с преступниками – это есть долг правителя».

Замок славился своими подземельями. Многочисленные ходы вели из него на остров Кнайпхоф, в районы Трагхайма, Закхайма, Росгартена и ещё дальше, в разные концы Кёнигсберга. В хитросплетениях подземных лабиринтов могли разобраться лишь весьма сведущие люди.

⁷ 6—8 м и около 2 м соответственно.

⁸ Празднично оформленные покои, в которых Альбрехт I в 1517 году принимал первое русское посольство.

⁹ Твёрдость крепости и есть наш Бог (лат.).

Доктор Томас Волькенштайн, давно не бывавший в Кёнигсберге, был приятно удивлён свершившимся здесь переменам. Вокруг городов Альтштадт, Лёбенихте и Кнайпхоф, выросли свои пригороды, дома в них были преимущественно кирпичные, а остроконечные крыши покрыты добротной черепицей. Сам Замок поразил его, если не своим великолепием, то тем величественным и пышным видом, который он приобрёл в последние годы.

Неудивительно, что, сопровождая доктора по коридорам Замка, герцог кивал то в одну, то в другую сторону:

– Здесь трудятся мои мастера. Я хочу соорудить в этом зале роскошную Оружейную палату.

Или:

– Здесь каменщики выкладывают новый камин... А вот это помещение будет расширено... Тут будет пол с подогревом... Эти залы я переоборудую в хранилище скульптур и портретов великих людей...

Ремонт и перестройка внутренних покоев происходили таким образом, чтобы строительные работы как можно меньше докучали их обитателям.

Во всех помыслах и действиях герцога Альбрехта чувствовался размах, и доктор мог лишь догадываться о его истинной широте.

Томаса Волькенштайна поселили в небольшую, но довольно уютную комнату, благо, свободных помещений в Замке хватало. Расположена она была в том же крыле, где разместились и покои самого герцога.

В ожидании прибытия наследника и его матери, доктор проводил время в герцогской Немецкой библиотеке, расположенной над воротами Замка. Здесь было собрано, по его мнению, не менее тысячи самых разнообразных книг, фолиантов в деревянных, кожаных и серебряных переплётках. Манускрипты были, в основном, на латыни и греческом. Тут же на полках располагались и недавно отпечатанные в кёнигсбергской типографии томики на немецком, литовском и польском языках. Кроме книг, взятых из монастырей и имеющих привычную, библейскую тематику, здесь были катехизисы Мартина Лютера, которого Альбрехт очень уважал, и книга Николая Коперника «Об обращении небесных тел». С самим учёным герцога Альбрехта связывали давние, и даже дружеские отношения. Хотя, в своё время глава тевтонцев едва не убил будущего учёного при осаде Эльблонга¹⁰. С удивлением доктор обнаружил среди прочих книг новые издания сочинений Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Любовь к чтению, захватившая герцога ещё в детские годы, со временем вылилась в настоящую страсть к просветительской деятельности. «Это – настоящее богатство! Хвала господу, – думал целитель и хиромант, – что такой человек стал во главе герцогства! Это послужит Пруссии только на пользу!»

Неподалёку от библиотеки был расположен кабинет самого герцога Альбрехта. Туда он не стал приглашать своего старого друга, зато не преминул похвастаться своей недавно отреставрированной спальней.

– Полюбуйся, дружище, работой моего придворного столяра Ганса Вагнера!

Личные покои герцога оказались необычайно красивы. Сама комнатка была весьма скромных размеров, чего не скажешь о камине, который был довольно велик. Стены помещения украшало панно из венгерского ясеня. Резьба по нему была столь вычурна и тонко выполнена, что всё увиденное заставило приезжего врача длительное время простоять с раскрытым в изумлении ртом, к вящему удовольствию хозяина.

Рядом располагалась эркерная комната с гербом, представляющим собой двадцать семь цветных полей. В центре герба прусский орёл держал в когтях серебряную букву S – символ верноподданничества Сигизмунду, польскому королю. «Не за горами тот день, когда Пруссия

¹⁰ В 1521 году Николай Коперник руководил защитой города от тевтонцев.

выйдет из-под польской опеки, – подумал доктор Томас. – И тогда она превратится в сильнейшее европейское государство».

Супруга герцога Альбрехта с принцем появились в Замке только 10-го августа. День выдался довольно солнечным и о недавней непогоде напоминали лишь лужи, тут и там поблескивающие на улицах Альтштадта и Лёбенихте. О приезде высоких гостей огласил колокол с донжона¹¹, расположенного внутри замка.

Молодую супругу герцога Анну Марию Брауншвейгскую и его наследника сопровождал, кроме слуг и придворных фрейлин, обычный эскорт: Якоб фон Шверин – учитель принца, философ и мыслитель, духовник наследника и воспитатель Иоганн Функ, а также придворный лейб-медик Симон Титиус. К ним присоединился магистр Кёнигсбергского университета Кристофорум Невиус. Доктора Томаса не удивляло присутствие этих людей. Он уже знал, что герцог Альбрехт разработал для своего сына собственную методику обучения и воспитания. Вышеупомянутые господа практически постоянно находились в обществе наследника.

Среди этих людей довольно почтенного возраста выделялся молодой человек с высокомерным и насмешливым выражением лица, одетый щеголевато, но не вызывающе. «А это и есть Скалих», – догадался доктор Томас.

Добавим сразу: если Анну Марию, наследника и Скалиха доктор узнал сам, то остальных господ ему представил лично герцог Альбрехт. Сделал он это легко и доброжелательно, без лишних церемоний, в свойственной ему манере.

– А это – мой старый и добрый друг, – рекомендовал герцог и самого доктора, – Томас Волькенштайн. Он – известный врач, знаменитый хиромант и астролог. Гороскоп, составленный им для меня сорок лет тому назад, подтвердился полностью!

По-разному восприняли это известие появившиеся в Замке господа. Слегка поклонившись прибывшей свите, доктор тут же уловил флюиды, испускаемые этими людьми. В разнообразном букете эмоций он явственно уловил как любопытство, интерес, безразличие, так безразличие и даже неприкрытую ненависть.

«Отлично, господа, – подумал доктор. – Кое-кто из вас уже боится меня». И попытался уловить, от кого именно исходило это тревожное чувство. Подняв голову и изобразив на лице приветливую улыбку, он скользил изучающим взглядом по лицам представленных ему господ. Удивительно, но ненависть исходила не от Скалиха. Её источником был лейб-медик Титиус.

Последующие несколько дней Томас Волькенштайн присматривался как к наследнику, так и окружавшим его людям, многие из которых были способны (порой, даже не подозревая об этом) повлиять на состояние здоровья принца. Значительное психологическое давление могли оказывать и сам Титиус, и капеллан Функ, и даже фон Шверин. Не стоило исключать и других приближённых, особенно Скалиха. Оставалось наблюдать, и делать это, по возможности, незаметно. К тому же, следовало разобраться в самом недуге наследника. Вдруг он на самом деле серьёзно и неизлечимо болен?

Накануне у доктора Волькенштайна состоялся откровенный разговор с герцогом.

– Да... Старость приходит к нам незаметно, – вздохнул Альбрехт. – Сначала думаешь, что тебе почудилось, порой кажется, что ты просто устал... Но увь... Отдохнуть мне теперь хочется даже после отдыха... Это в молодости мы спешим жить и стремимся заглянуть в грядущее. В юности даже год-два – очень большой срок, а теперь для меня и десятков лет – словно вчера...

Мне ничьи предсказания больше не нужны. Ведь будущего у меня почти не осталось, и мне самому о нём всё давно известно... Моя судьба – это уже написанная и давно прочитанная книга. И перелистывать её грустно. Но страшит не только немощь, дряхлость и забвение...

¹¹ Башня замковой церкви (донжон) была самой высокой башней Кёнигсберга и появилась впервые над южной стеной ещё в конце XIV века.

Я очень многого не успел сделать и сегодня меня больше всего тревожит судьба наследника и то, ... кто займёт моё место...

– Обратите внимание на ночное небо, ваша светлость, – ответил на его грустные слова пожилой астролог, – на нём мириады больших и малых звёзд, которые образуют созвездия и туманности, видимые, порой, лишь в оптическую трубу. Но в их скоплении есть небесные тела особенные, путеводные – Полярная звезда, Сириус... И люди такие тоже существуют! А вы – в их числе...

Герцог пристально посмотрел в глаза врача, и понял, что тот ему не льстит.

– ...Вокруг этих звёзд по разным орбитам вращаются иные планеты и спутники – это ваши ученики и последователи. Пусть их орбиты не всегда близки, а яркость различна, но ваш свет, тепло, живительная энергия достигают и меня, и других преданных вам подданных. Мы позаботимся о том, чтобы ваша старость не была печальной...

Сам Альбрехт Фридрих не был похож на своих сверстников из других сословий. Да, излишне молчалив и печален – это заметно. Видимо, сказывалось наличие жёстких рамок, в которые «втиснул» его отец, дабы со временем воспитать образованного, мудрого и справедливого повелителя, настоящего отца для своего народа.

Когда герцог Альбрехт взял за руку сына и впервые подвёл его к Томасу для более близкого знакомства, Волькенштайн склонился в глубоком поклоне, а наследник тихим голосом спросил:

– Так это вы собираетесь меня лечить, доктор?

– Смотря, что понимать под «лечением», ваше высочество. Я не уверен, что вам нужен просто врач...

– Как, разве вам не сказали, что я слабоумен?

Некоторое время доктор находился в замешательстве, не зная, что ответить. «Высокий лоб наследника, форма носа и густые брови свидетельствуют о его способности к ясному мышлению, – мелькнуло в голове Волькенштайна, – и усвоению различных наук. А так же о решительности и целеустремленности... Длинные пальцы рук говорят о хорошо развитых эстетических наклонностях и возвышенных эмоциях»... Более подробно он смог бы рассказать о его состоянии чуть позже, после исследования холмов и линий ладони, которые наиболее точно предсказывают будущее и рассказывают о прошлой жизни человека...

– Слабоумие не лечится, ваше высочество, – произнёс Томас, глядя прямо в глаза принцу. – Зато «лечатся» неверные слухи и исправляются врачебные ошибки...

«Конечно, он по-своему необычен и даже странен, – думал доктор о наследнике. – Но кто из нас не подвержен странностям? *Quis hominum sine vitiis*¹² – . Допускаю, что мальчик, иногда замкнут, угрюм и даже подавлен... Но и у выдающихся людей, порой, встречаются такие особенности... Просто они не вписываются в общепризнанные рамки поведения... Ну и что? Это ничуть не мешает им создавать гениальные творения... Но слабоумие?.. Нет, на первый взгляд, очень сомнительно... Или я сужу предвзято? Не хочу, чтобы подтвердились опасения старого герцога? Что ж, присмотримся ещё»...

– Вы что же, проявляете к принцу врачебный интерес? – прямо спросил доктора лейб-медик Титиус, когда заподозрил первого в повышенном внимании к Альбрехту Фридриху. – Поверьте, это – излишне. Он находится под неусыпным медицинским наблюдением. К его услугам – лучшие и весьма почтенные доктора. – Тут он слегка поклонился, демонстрируя тем самым и собственную значимость.

Выглядел придворный врач, скорее, как монах. Тёмная сутана, чёрная шляпа, выпирающий живот, крючковатый нос на одутловатом лице, кустистые брови, почти закрывающие глаза, делали его похожим на старого, нахохлившегося ворона. Сама беседа происходила

¹² Кто из людей родился без пороков (лат.).

в небольшой гостиной, расположенной в Альбрехтсбау. Стены её украшали полотна Брейгеля Питера Старшего, а также некоторых итальянских мастеров. Потолок гостиной, вероятно, собирались расписывать, но когда начнутся эти работы, пока не было известно.

Рядом с врачами сидел сам наследник. Он был молчалив, грустен и сосредоточенно рассматривал ногти на своих руках. Весь его вид показывал, что ему скучно с присутствующими, и он был бы рад поскорее от них избавиться.

– Да, сударь, – ответил лейб-медику Волькенштайн. – У меня богатая врачебная практика, но я приехал сюда не за этим. Признаюсь, о болезни наследника я узнал на днях, будучи уже в гостях у его светлости герцога Альбрехта... Он посчитал, что я способен предложить что-то более действенное, чем все врачи его светлости.

– Излишняя самоуверенность может вам в этом сильно помешать... – ележным голосом пропел Титиус. Чувствовалось, что у них начинается словесная дуэль.

– Пока же я могу сказать лишь одно, – невозмутимо продолжил Волькенштайн, – нет верного лекарства от неверного образа жизни! Больному обычно подробно рассказывают о том, как, когда и сколько принимать пилюль, но часто забывают о питании, сне и прогулках... А это как раз – самое важное!

Как вам известно, я прибыл на торжественную встречу в честь двадцатилетия основания кёнигсбергской Академии. Но, врач – всегда врач: наш долг не знает отдыха...

– Как же вы правы, сударь, – слащаво заулыбался оппонент. – Единственное, что может спасти наследника... или хотя бы оттянуть тот исход, которого мы все боимся, это – отдых среди лесов и полей. Его высочество любит уединение и покой, вот пусть и поживёт в тиши с матерью в замке Нойхаузен. *In pace*¹³. Под нашим присмотром. На данный момент только это пойдёт ему на пользу...

К беседе двух докторов присоединился Якоб фон Шверин, сухошавый господин высокого роста, с круглой лысой головой, крупным носом и выдающейся вперёд нижней челюстью. Его лицу, казалось, была чужда мимика: оно постоянно оставалось отстраненно-безмятежным, лишь в серых глазах улавливалась какая-то грусть. Две глубокие складки у переносицы свидетельствовали о том, что мыслительный процесс учителя и наставника наследника – явление довольно частое и охватывающее продолжительные периоды времени.

– Дорогой доктор, мы наслышаны о вас, как об известном хироманте и астрологе. Не могли бы вы нам рассказать, как данные науки помогают вам в лечении больных?

Волькенштайн был рад вмешательству фон Шверина. От Титиуса исходил такой заряд антипатии, подозрительности и страха, что поддерживать разговор становилось всё труднее.

– Видите ли, сударь, в своей практике я применяю живительные силы природы и воздействую на пациентов собственной мыслью...

– *Мacte!*¹⁴ Но неужели это возможно? Поделитесь с нами, любезный друг, своими премудростями!

Доктор Томас улыбнулся.

– Ошибочно думать, что болезни побеждают только с помощью ланцета, настоек или микстур. При желании и определённом навыке, исцелять можно, подобно нашему Спасителю, словом и силой человеческой мысли...

– Не слишком ли смелое утверждение? – воскликнул фон Шверин.

– Такие способности, – продолжал доктор Томас, – я развивал у себя ежедневными тренировками: часами смотря по утрам на горы, вечером – на воду, а ночами – на свечу... И теперь нисколько не сомневаюсь, что «умными» глазами можно делать всё!

¹³ В мире, в покое (лат.).

¹⁴ Отлично! Прекрасно! (лат.).

– Поясните-ка, сударь, свою мысль, – заинтересовался Титиус, посматривая на коллегу, как инквизитор.

– Через наши зрачки божественная энергия перемещается в двух направлениях, в зависимости от того собираемся ли мы просто рассмотреть и запомнить некий предмет или решили воздействовать на его сущность. Например, совсем не сложно взглядом, усиленным молитвой, остановить кровотечение при порезах, стоит только приказать крови: «Утихни, перестань течь!», и представить, как иглой зашиваешь рану. Для меня не представляет особого труда унять боль, тошноту, головокружение...

– А не в самой ли молитве тут дело? – усомнился собеседник.

– Пусть так. Молитва – неоспоримая целебная сила, но моё зрение помещает её в нужное место. Всякий человек – есть творение Господа: он – вместилище десятков органов и членов, призванных действием или бездействием обеспечивать здоровье своего хозяина. Исследуя их работу, я убедился в том, что эта согласованная и ритмическая деятельность... ни в коем смысле не хаотична, а вполне осмысленна. Другими словами – этим управляет сам Бог! А в случае недуга – Сатана!

В гостинной воцарилась тишина.

– Также я пришел к выводу, – продолжал доктор Волькенштайн, – что большинство болезней возникает у человека от разлада мышления наших внутренних органов. Все они частенько вредничают, точно малые дети, и поэтому обращаться к ним надлежит, как к капризному, но любимому ребенку. Иными словами, к каждому нужно постараться найти свой подход... Таким образом, этим мы поможем нашему Творцу, а он – нам.

Доктора словно забавляло замешательство его учёных собеседников. Он продолжал, и речь его текла тихо, размеренно и уверенно:

– Наиболее восприимчиво к такому «разговору» сердце. Это – очень мудрый, но самый ранимый орган, поэтому убеждать его следует нежно и дружески. А вот почки иногда полезно слегка поколотить... Напротив, кишечник – терпеливый и послушный слуга, зато *hepar*¹⁵ – бестолкова и ленива, посему её надо не ласкать, а пугать, порой даже понуждать, как упрямого вола... Всё это – кирпичики моей теории.

Свою беседу я обычно начинаю с восхваления Господа, затем налагаю руки на нужную область тела и обращаюсь к самому органу: «Проснись и слушай!..», а далее – рассуждаю, увещаю и приказываю... С вместилищем нашего разума – головой, конечно, всё намного сложнее, ведь она не в меру заносчива и высокомерна, однако, выбрав нужный момент, можно и её попробовать уговорить, успокоить и призвать к порядку... Чем я мог бы заняться в ближайшие дни, если возникнет такая необходимость...

Не стоит забывать и о прекрасном воздействии на здоровье духовной музыки. Она добавляет новые цвета в палитру человеческого сознания. Если мы намерены объединить тело, ум и сердце, то нет лучше способа, чем орган. Его целительные звуки проникают сквозь кожу и производят массаж души... Особенно благотворно сочетание такой музыки с церковным песнопением. Если в тяжелые минуты петь о своих печалях, то душа светлеет и становится мягче. А коль мы собираемся развить у ребенка достоинство и самосознание, ему следует дольше находиться в высокодуховной среде, такой как музыка, которая помогает выйти из этого мира, очиститься и вернуться в него совсем новым человеком...

Только это ещё далеко не всё: я могу лечить и многими другими средствами, например святой водой, воском и ладаном, «горячим» или «холодным» дыханием, но как это правильно делать известно одному мне...

«Ни Титиус, ни фон Шверин, – размышлял после ужина доктор Волькенштайн, – не кажутся мне людьми, чьё воздействие на юного принца столь пагубно, чтобы вызвать у него

¹⁵ Печень (лат.).

симптомы психического расстройства или слабоумия... Но это – на первый взгляд... Что ж, у нас остаются другие подозреваемые – матушка наследника, Анна Мария, да-да, любезный доктор! Не стоит исключать и её! Иоганн Функ, тоже весьма любопытная личность... И сам Скалих... При этом, не стоит упускать из виду и самый неблагоприятный вариант: Альбрехт Фридрих действительно болен! Ведь мне так и не удалось с ним поговорить наедине... А это многое могло бы дать для дальнейших размышлений!»

Этой ночью доктору не спалось. Через приоткрытое окно, откуда веяло сырой прохладой, налетело множество комаров, и Томас устал от них отбиваться. В Замке было тихо. Иногда казалось, что жизнь в нём вовсе угасла, и он остался единственным мыслящим существом на пустынном острове...

Ближе к полуночи послышались раскаты грома, и дождь забарабанил по ставням его мрачной обители. Доктор уже собирался встать и зажечь свечу, когда в спальне послышалось легкое шипение, и внезапно она озарилась светом. Томас тотчас открыл глаза, повернул голову на странный звук и увидел посреди комнаты ослепительно яркий жёлто-оранжевый шар размером в три-четыре дюйма, медленно плывущий от окна к его постели.

«Огонь сатаны!» – с ужасом констатировал Волькенштайн, порывисто сев в кровати и непроизвольно натянув лёгкое покрывало до самых глаз. Прежде ему доводилось слышать, что подобные огненные шары могут вести себя вполне миролюбиво, но могут напасть, обжечь или убить человека, после чего – либо мгновенно растаять, или взорваться с ужасным грохотом. Священники называли их «дьявольским знамением», а люди учёные – «разумными шарами». Говорили, что они обладают способностью «просачиваться» сквозь малейшие щели, появляться, когда и где захотят, и творить, что только вздумают...

Вот и этот ночной гость вёл себя вполне осмысленно: как бы в глубоком раздумье, он немного повисел неподвижно, затем стал кружить над самым полом, с любопытством приносясь, подобно собаке. Наконец, он остановился почти у самого лица испуганного врача, словно пытаясь изучить или околдовать его. Бедный доктор ощутил, как капли пота заструились по его щекам, он боялся пошевелиться или даже просто вздохнуть... Странно, но никакого жара при приближении этого пылающего объекта Волькенштайн не ощутил. Однако шипение и гудение внутри шара усилилось, а цвет его сделался почти красным. Время словно остановилось. Перед глазами Томаса всё поплыло, жутко заболели виски, как если бы их стянул тугой обруч.

Шар медленно поплыл к двери. Доктор в отчаянии схватился руками за голову, и тут... внутри неё прозвучал чей-то властный голос: «Следуй за мной!» Не в силах ему противиться, Волькенштайн, как был в колпаке и длинной ночной рубахе, будто зачарованный, безропотно последовал за таинственным пришельцем, который продолжил своё движение по коридорам Замка...

После нескольких поворотов и коротких лестничных переходов, огненный гость внезапно вспыхнул и растаял в воздухе. На некоторое время воцарилась полная тьма, в которой глаза доктора, привыкшие к яркому свету, ничегошеньки не могли различить, однако головная боль стихла и к Томасу вернулась способность мыслить.

«Святые угодники! Если бы кто-то другой рассказал мне эту историю, то я бы ему не поверил, – было первое, о чём подумал он, потирая слезящиеся глаза. – Вот бы развесить такие штуковины под сводами нашего Замка. Стало бы светло, как днём»...

Вскоре доктор смог различить узкую полоску света, пробивающуюся из-под массивной двери, и обнаружил, что стоит напротив замковой библиотеки. Он потянул за массивное медное кольцо, дверь отворилась. И вот, что он увидел!

«Слабоумный» мальчик сидел в полутьме на полу, держа в руках какую-то книгу. Подсвечник был установлен на одном из стеллажей, свободном от книг. Взгляд Альбрехта Фридриха был устремлён не на книжные листы, ибо при таком освещении невозможно было разобрать буквы. Принц смотрел куда-то вдаль, он словно видел через стену что-то далекое

и... прекрасное. Блики огня отсвечивали в его глазах, делая взгляд наследника искрящимся и каким-то... бесовским. А губы тронула грустная улыбка. Поневоле у доктора на голове зашевелились остатки волос, а сердце бешено застучало...

Тем не менее, Томас Волькенштайн сделал несколько шагов к мальчику.

– Если ясновельможный пан собрался читать, – произнёс он тихо, но внятно по-польски, – то ему необходимо добавить немного свечей...

Медленно, бесконечно медленно поворачивалась голова принца к доктору.

– Не извольте беспокоиться, сударь. Иногда размышления заменяют чтение...

Ответ был произнесён на чистейшей латыни!

Глава 3. «Диагнозы» доктора Волькенштайна

«Кёнигсбергский университет по праву считается детищем герцога Альбрехта. Именно поэтому после смерти своего основателя храм науки получил его имя. Учебное заведение стало называться ласково – Альбертина.

Самые просветлённые умы Европы учились и преподавали здесь...

Но так же, как всё прекрасное и высокое, он притягивал в свою обитель самое мерзкое и отвратительное...»

Доктор Томас усмехнулся, вспомнив вчерашнюю беседу с лейб-медиком Титиусом и фон Шверинем, когда он рассказал им о своём методе лечения. Если первый счёл всё сказанное им ересью и невежеством и надулся, став похожим уже не на ворона, а на индюка, то второй искренне заинтересовался.

– Где вы научились этим премудростям? – улыбаясь, спросил философ. – Воистину, такой подход к лечению больных органов весьма оригинален!.. Впрочем, мне думается, что он не лишён смысла. Доброе слово всегда успокаивает и несёт в себе божественную силу. А укор или упрёк – побуждает к действию! Не хотите ли, доктор, выступить с докладом на нашем медицинском факультете? Магистр Кристофорум Невиус мог бы посодействовать вам в этом!

– Я много путешествовал, – уклончиво ответил Волькенштайн. – Довелось побывать и на Востоке... И раз уж я прибыл на празднование Юбилея нашей Академии, то наверняка пообщаюсь с ректором и профессорами. Думаю, будущим медикам будет полезно узнать о тех методах лечения, которые не практикуют в традиционной медицине.

– От всего этого пахнет ересью и колдовством, – нахмурился Симон Титиус. – *A propos!*¹⁶ ... Как долго нужно развивать это... такое... умение? – недоверчиво спросил он.

– Всю жизнь, уважаемый доктор. Но первых результатов можно добиться уже через год тренировок. Всё в руках Господа... Это также зависит от силы вашего духа и желания помочь ближнему... *Barba philosophum non facit!*¹⁷

«*Parvo contentus*¹⁸, приведу некоторые результаты проведённых исследований, – записал вечером в своём потайном свитке доктор Томас, – и поставлю диагнозы отдельным лицам из близкого окружения наследника, которого подозревают в психических отклонениях и слабоумии. Пусть Господь поправит мои мысли, если я в чём-то ошибусь...»

*Diagnosis*¹⁹ 1. Фон Шверин. Мыслящий человек, приверженец весьма передовых взглядов. Умеет развивать мышление ученика и способствовать постижению наук... Благодаря его стараниям, наследник прекрасно владеет польским и латынью... Поразительно... Сам превелико учён, но более тяготеет к античному вольнодумию, чем к католическим догмам. Способен ли он внушать мальчику сомнение в собственной уравновешенности и здравомыслии *pro domo mea*²⁰? Весьма сомнительно...»

«*Diagnosis* 2. Симон Титиус. Как врач, возможно, имеет определённые познания и опыт. Но доброму слову предпочитает острый ланцет. Подозреваю, в его душе таится страх, который передаётся и принцу... Лейб-медик чувствует, что делает что-то не то, но кто-то, видимо, заставляет его поступать именно так... Словом, тут ещё много непонятого».

¹⁶ Кстати (лат.).

¹⁷ Не борода создает философа (лат.).

¹⁸ Довольствуйся малым (лат.).

¹⁹ Диагноз.

²⁰ В личных интересах (лат.).

Прошлой ночью, удивительным образом оказавшись возле библиотеки, доктор Волькенштайн обнаружил в ней наследника. Обратившись к нему на польском языке, он услышал чёткий ответ на хорошей латыни, что весьма удивило врача. Не задавая лишних вопросов, доктор Томас подошёл к мальчику и осторожно взял его маленькую ладошку. Тот не отёрнул руку, не отшатнулся, не закричал. Посветив себе свечой, пожилой хиромант изучил узоры на ладони наследника и, не проронив ни слова, удалился в свои покои.

«*Diagnosis 3.* Альбрехт Фридрих. Фигуры на холме Сатурна обнаруживают бережливый, задумчивый, склонный к меланхолии характер. Дугообразные полосы на холме Луны указывают на уединённость, мечтательность и склонность к мистике... А вот крест и звезда предвещают незаслуженные преследования и грозящую жизни опасность. Но его линия счастья в своём начале и конце имеет разветвления, и это означает победу над всеми врагами. Линии Юпитера и Венеры говорят о том, что он встретит настоящую любовь, от которой родится много детей. Жизнь он проживет долгую, здоровую и невозмутимую, а умрет тихо и естественно...»

Пока ясно лишь одно: где-то неподалёку затаился враг, который упорно раздувает слухи о слабоумии наследника. Сам мальчик сильно напуган, а о своих страхах и сомнениях ему некому поведать... Врачи, учителя и воспитатели упорно твердят о болезни принца (в такой ситуации точно можно свихнуться!), видимо, они выполняют чьё-то задание...

Что же в итоге я узнал? Над ними всеми стоит кто-то могущественный и беспощадный, жестокий и хитрый, готовый нанести смертоносный удар! Когда? Возможно, сразу же после смерти самого герцога!.. Кто этот человек? Думаю, что не стоит искать изменника где-то на стороне: он обычно среди самых близких! Дайте мне ещё немного времени, дружище Альбрехт, и я найду его, не будь я великий маг и целитель Томас Волькенштайн! *Procul negotiis!*²¹».

Утром 16 августа доктор Волькенштайн совершил небольшую прогулку по городским кварталам. По тем местам, которые он давно уже не посещал. Целью его было побродить по знакомым улицам трёх городов²², слиться с местным разношёрстым населением и привести в порядок свои мысли.

Сам Замок Кёнигсберг и прилегающие к нему города-побратимы готовились к празднику двадцатилетия кёнигсбергской Академии, что стало событием, важным для всех сословий.

Южное крыло Замка, выстроенное в 1551—1553 годах Кристофом Ремером и Андреасом Хессе, имело длину почти двести локтей. Своими изящными балюстрадами, балконом-садом, оригинальным входом и громадной каменной чашей, наполненной водой, оно производило сильное впечатление на жителей Кёнигсберга. Многие из них почтительно внимали шляпу перед этим архитектурным творением и осеняли себя крестом.

Расположенный за южным крылом Крепости, самый старый город, и носящий соответствующее название – Альтштадт, как всегда был оживлён. Много народа толпилось возле церкви святого Николая. Сюда и зашёл доктор Томас, чтобы поведать Господу о своих сомнениях и получить доброе напутствие. Тем более что как раз началась служба.

Внутренне убранство этой лютеранской церкви, как обнаружил Волькенштайн, выглядело значительно проще, нежели у католических, например, польских храмов. Нет разукрашенных фигур ангелочков, не бросается в глаза пышность и роскошь... Не было свечей и изображений святых на довольно скромном алтаре, возле которого располагалась чья-то гробница...

²¹ Прочь неприятности (лат.)

²² Замок Кёнигсберг и три прилегающие к нему города: Альтштадт, Лёбенихте и Кнайпхоф объединились в город с общим названием «Кёнигсберг» в 1724 году.

Выйдя из церкви, доктор Томас машинально сунул мелкую монетку в руку женщины, которую сотрясали приступы кашля, пожалев её чумазных ребятишек, копошившихся рядом в изодранной одежде, напоминающей лохмотья.

От госпитальной кирхи «Святого духа» до капитула и городской ратуши на домах весели флаги с гербом Альтштадта. Возле Лавочного моста, соединяющего Альтштадт и Кнайпхоф, скопилось множество повозок. Пахло рыбой. Галдёж покупателей и торговцев напоминал крики голодных чаек, когда им бросают мелкую рыбёшку.

Доктор Томас, вдоволь насмотревшись на придворную публику и чувствуя всё нарастающее отвращение к высокомерным канцлерам, надутым гофмаршалам, важным священникам и прочей дворцовой челяди, включая чопорных фрейлин герцогини и лакеев, решил развеяться среди обычного городского люда. Ему нравилось не спеша бродить по городу, слушать слащавые крики зазывал, споры лавочников с покупателями, ругань извозчиков, чьи экипажи не могут разъехаться в узком проходе между домами, смех и весёлые голоса студентов и... даже брань между пожилыми супругами...

В раскрытые окна лавок выглядывали торговцы, приглашая заглянуть к ним; одни предлагали ткани, хвалясь их изяществом и добротностью, другие гремели кухонной утварью, третьи выставляли клетки с заморскими птицами, крикливыми и разноцветными. Один, совсем ещё молодой парень, едва не выпал из окна своей лавки, показывая юной горожанке модную флорентийскую шляпку.

Со стороны реки, где располагались торговые ряды, раздавался гогот гусей, кудахтанье кур и визг поросёнка. Всё это сопровождалось озабоченными призывами лавочников и весёлыми шутками прохожих.

С восточной стороны города через вытекающий из Замкового пруда ручей Лёбе-бах, который служил и крепостным рвом, был расположен Лёбенихт – город-побратим Альтштадта. Туда и направился Томас Волькенштайн, дыша полной грудью и чуть заметно усмехаясь, глядя на городское столпотворение.

Ему было невдомёк, что от самых ворот Замка за ним следует невзрачный человек, одетый так же, как и большинство горожан. Правда, своё лицо он скрывал широким капюшоном. Его осторожная поступь и некоторая суетливость усиливали впечатление, что этот человек старается оставаться незамеченным для преследуемого им господина.

Не доходя до женского монастыря святого Бенедикта, доктор повернул назад, намереваясь перейти на остров Кнайпхоф по Кузнечному мосту. Незнакомец, чьего лица никто не видел, следовал за ним по пятам...

А поразмышлять Томасу Волькенштайну было о чём. Вчера вечером ему, наконец, удалось пообщаться с супругой герцога Анной Марией Брауншвейгской, наставником наследника Иоганном Функом и с самим Паулем Скалихом, которого при дворе уже привыкли называть не иначе как князь Скала. Было у него и другое имя – граф фон Хун.

Случилось эта беседа во время ужина, который слегка затянулся и незаметно перешёл из дворцовой церемонии в дружескую вечеринку, если такое сравнение уместно при дворе. Но, как бы то ни было, обстановка в трапезном зале способствовала добродушной беседе, чему немало помогал сам герцог Альбрехт. В тот вечер, несмотря на торжественный наряд (он надел короткую куртку, рыцарский плащ, на плечах его висела драгоценная цепь из широких колец, а с шеи спускался золотой знак «Ордена Лебеда»²³). Герцог был весел и остроумен, стараясь никого из гостей не обделить своим вниманием, добрым словом и уместной шуткой.

²³ Учрежден в 1440 г. курфюрстом бранденбургским Фридрихом II, восстановлен в 1843 г. королем прусским Фридрихом-Вильгельмом IV-м, «как свободное общество мужчин и женщин всех званий и вероисповеданий, имеющее целью соединенными силами облегчать физические и нравственные страдания» (цель эта не была выполнена). Знак ордена: белый финифтяный лебедь, носимый на цепи.

– Любезный доктор, – с улыбкой обратился герцог к Томасу Волькенштайну. – Что ты сидишь с таким кислым видом, словно тебя потчуют вином «трёх людей»?²⁴. Отведай рейнского! А может, ты предпочитаешь бордоское или бургундское? В наших подвалах к твоим услугам любое! *Ad liberum!*²⁵

– Я бы предпочёл испанское, но от него веет инквизицией, – улыбнулся в ответ Волькенштайн. – А это не самый лучший запах...

– Забудь, дружище, это слово здесь, в доброй и просвещённой Пруссии! Вот когда отправишься странствовать по Южной Европе, там уж будь осторожным! Ибо *de lingua slulta incommoda multa*²⁶.

А поскольку к пожилому доктору, в дворцовом обществе уже сложилось, в основном, доброжелательное, хоть и несколько настороженное отношение, то сопровождающий наследника вместе с Анной Марией Иоганн Функ, проходя мимо, в целях нравоучения для юного принца, заметил:

– Господин Волькенштайн, слова словами, но ваши увлечения гаданиями и предсказаниями... в том числе и ваш метод лечения болезней... могут вывести вас на... весьма скользкую и опасную дорожку.

Доктор поднялся из-за стола, отвесил почтительный поклон наследнику и герцогине, затем повернулся к теологу и изобразил на своём лице крайне удивление, почти обиду.

– Да-да, любезный доктор, – Иоганн Функ намеревался играть привычную для себя роль проповедника и наставника. – Ибо Господь снабжает наше тело необходимыми для жизни органами, а наши души оживляет своим божественным дыханием, – он поднял глаза к сводчатому потолку, словно ища поддержки свыше. – И судьбу, предначертанную Им для каждого из нас, не должно читать без Его ведома! Только молитвой и постом мы можем заслужить Его высочайшее участие в своей судьбе, и спасение *detur digniori*²⁷...

Юный Альбрехт Фридрих откровенно скучал. Анна Мария с любопытством слушала, не прерывая своими репликами разговор, который, по её мнению, грозил перерасти в интересную дискуссию.

– Как? Вы отрицаете известных всему миру предсказателей, астрологов и хиромантов?

– Увы. Подавляющее большинство из них совершают грех, преувеличивая свои возможности и выдавая свои скромные способности за божественный промысел...

– А что вы скажете о гороскопе, составленном моему супругу, который подтверждается уже сорок лет? – наконец, не выдержала герцогиня.

Доктор благодарно поклонился ей вновь.

– Или о гороскопе, составленном господином Скалихом, который обещает счастливое тысячелетие Пруссии?

Пока Функ что-то лепетал о звёздах, установленных в порядке, определённом самим Богом, доктор позволил себе рассмотреть герцогиню более внимательно.

Одета Анна Мария была в расшитое жемчугом тёмно-вишнёвое платье, по существующей в то время испанской моде. Рукава и лиф его украшали разрезы. Стоячий воротник касался золотой сеточки, в которую были спрятаны роскошные тёмные волосы. Драгоценное кольцо переливалось в огне множества свечей, блестели перстни на пальцах, а в глазах затаилась глубокая печаль, которую так и не смогли вытеснить её молодость и красота...

И тут к ним подошёл Скалих.

²⁴ Кёнигсбергское кислое вино в шутку называли вином «трех людей»: первый должен был держать того, кто пьёт, то есть, второго, а третий – вливать кислоту пьющему в горло.

²⁵ На выбор (лат.)

²⁶ Из-за пустых слов бывают большие неприятности (лат.)

²⁷ Да будет дано достойнейшему (лат.)

– Не будете же вы отрицать дар предвидения, которым обладал Парацельс, или известный всей просвещённой Европе Мишель Нострадамус? – с усмешкой спросил он Иоганна Функа, который совсем уже было смутился. – Чем вы можете объяснить сбывшееся предсказание Нострадамуса о внезапной гибели на рыцарском турнире короля Франции Генриха II?²⁸ – И продекламировал на память:

*Молодой лев одолеет старого
На поле битвы в одиночной дуэли.
Он выколет ему глаза в золотой клетке.
Два перелома – одно, потом умрет жестокой смертью.*

Как вы помните, копьё пронзило глаз бедному Генриху и сломалось... И он умер после продолжительных и невыносимых страданий.

– Слово Господа в предсказаниях пророка... – произнёс Функ.

– Нострадамус не только астролог и предсказатель, он же ещё и врач! – заметил доктор Томас.

– Совершенно верно, – подхватил Скалих. – Кстати, я лично с ним знаком! Один из своих катренов великий прорицатель посвятил мне. Он хранится здесь...

С этими словами советник герцога водрузил на стол шкатулку, которую до этого держал в левой руке.

– Вот тут лежит его послание! – он придавил ладонью поверхность шкатулки и усмехнулся. При этом кончики его тонких усов вздрогнули и подпрыгнули вверх.

– Почему же вы не прочтёте его нам? – спросила Анна Мария.

– Мишель пишет по-французски... Не все присутствующие понимают этот язык. К тому же, большинство его предсказаний не несут в себе прямой смысл, они как бы зашифрованы... Иной раз приходится поломать голову, чтобы разобраться в его сочинении...

Волькенштайн присмотрелся к шкатулке. Была она овальной формы, сделана из серебра и расписана магическими символами. Томас успел рассмотреть кресты, пяти- и шестиугольные звёзды, надписи на латыни и иврите... Но больше всего его привлёк чёткий отпечаток ладони Скалиха на блестящей поверхности коробочки...

– Так что, уважаемый капеллан Функ, – продолжил Пауль, забирая шкатулку со стола, есть всё же настоящие пророки, хотя, не скрою, гораздо больше шарлатанов! – Он рассмеялся.

– А как вы читаете будущее по руке, любезный доктор? – спросила Анна Мария. – Раскройте нам свои секреты!

– Охотно, госпожа, – в очередной раз склонился в поклоне Волькенштайн. – Если господин Функ позволит, ... – тот протянул доктору правую руку и раскрыл ладонь. – Ваши линии о многом говорят... Вот это – линия жизни. Она означает ход физического развития, линия Сатурна – направление таинственных роковых наклонностей. Линия Аполлона, или Солнца, – стремление использовать умственные способности. Линия Меркурия – те явления, которые появляются у нас в своё время, такие, как возмужалость и старость, причём их нельзя ни своеобразно приблизить, ни препятствовать им. А линии Марса и Юпитера означают направления, которые говорят о наших собственных волевых побуждениях и решениях. Холмы обозначают энергии, долины – недостатки и потери, линии – влияния и путь действий. Звёздочки всегда указывает неожиданные опасности...

²⁸ На рыцарском турнире король Генрих вступил в бой с графом Монтгомери, при этом копьё графа сломалось о панцирь противника. Осколки копья вонзились в лоб короля и попали также в глаз. Несколько дней спустя, 10 июля 1559 года, Генрих умер от этой раны, несмотря на помощь, оказанную лучшими врачами того времени.

Говоря всё это, хиромант умолчал о будущем Функа, которое уже узрел в складках его ладони.

– Это просто восхитительно! Взгляните же на мою руку, любезный... – и герцогиня протянула доктору свою изящную ладошку.

Увиденное несколько смутило пожилого хироманта.

– Видите ли, ваша жизнь тесно переплетена с жизнью вашего супруга...

– Не надо... Я не хочу, – потянул мать за рукав молчавший до сих пор наследник.

– Что ж, как-нибудь в другой раз... – улыбнулась герцогиня. – Мальчик устал и хочет отдохнуть...

Оказавшись на Кнайпхофе, доктор Волькенштайн подумал: «Как невелик остров, а сколько всего удалось здесь построить!»

Тут расположена знаменитая Голубая башня, ставшая местом заключения преступников, городская ратуша, недавно возведённое здание Университета и, настоящее украшение Кнайпхофа – Кафедральный собор.

Город-остров связан со своим южным форштадтом двумя мостами: Зелёным и Потроховым. Перед каждым мостом стоят прочные ворота. С востока Кнайпхоф соединён с островом Ломзе Медовым мостом, к которому можно пройти через одноимённую башню. На Альтштадт ведут мосты: Лавочный и Кузнечный.

Здесь же, кроме жилых домов располагаются склады с углём, пакгаузы, небольшая пристань, лавки, пекарни и всё, что необходимо для существования полноценного города, имеющего свою печать и герб.

По Лавочному мосту доктор перешёл в город Альтштадт. Таинственный человек, прячущий своё лицо, неотступно следовал за ним. Посторонившись, пропуская карету, запряжённую двумя рысаками, Томас Волькенштайн направился к Королевскому замку.

После прогулки он чувствовал себя посвежевшим и отдохнувшим. Но, неведомо откуда взявшееся чувство тревоги всё-таки досаждало ему.

«*Diagnosis 4.* Иоганн Функ. Теолог, проповедник, советник герцога и наставник наследника... Пожалуй, одна из ключевых фигур... Я верю, что он может дурно воздействовать на психику принца, подавляя его волю и приучая к мысли о собственной неполноценности и бессилии... Только зачем?.. По своей ли воле?.. Пожалуй, в ближайшее время должно что-то случиться. Ибо линия жизни Функа обрывается. Но он ещё не стар. Значит, его ждёт трагический конец... В связи с чем, пока не понятно. Если составить гороскоп, я бы сделал более точные выводы. Но одно ясно определённо – господь скоро приберёт его в свои чертоги...»

«*Diagnosis 5.* Герцогиня Анна Мария... Это печально, но и ей осталось жить совсем мало... Действительно, что-то должно вскоре произойти... Самое вероятное – это смерть самого герцога. Вот тогда всё и завертится... Сколько ей ещё осталось, известно только Господу... Год или пять?... Не более. Жаль. Молодая, красивая женщина... Боже, что будет с наследником? Впрочем, я уже видел: с ним всё будет хорошо».

Прежде чем писать следующий диагноз, доктор представил лицо главного советника герцога. «На первый взгляд – приятный и обаятельный молодой человек, – размышлял он, – но... форма ушных раковин, складки на лбу и возле губ, окраска и точки на ирисе (радужной оболочке глаза) – всё свидетельствует о недюжинных умственных способностях и талантах, но одновременно, и даже в большей мере, о склонности к интригам, изворотливости, обману и предательству. Не сомневаюсь: перед нами величайший хитрец и плут! Это – очень опасный человек, ему нельзя верить!»

А вот о чем поведал врачу отпечаток ладони на поверхности шкатулки.

«*Diagnosis 6.* Скалих. Я созерцал отпечаток его ладони всего несколько мгновений, но мой опыт и зрительная память позволили мне сделать выводы об увиденном... Итак, фигуры на холме Венеры обнаруживают ненасытно-чувственное и развратное существо. Крест между

линией головы и линией сердца указывает на мистицизм и расположение к оккультным наукам. Но такой человек может легко забыться до жестокости и кровожадности. Даже до убийства! Однако отвесная линия от холма Солнца по направлению к линии счастья указывает на расположение к нему высокопоставленных лиц. Совершенно отсутствует линия счастья, а это знак безбожия и вероломства, но одновременно очень длинная линия жизни... Мне многое не понятно в знаках на его ладони, возможно, он появился на свет в результате кровосмешения... И этот странный завиток на ушной раковине! Как у хищного животного...»

Глава 4. Вино и кровь

«В Королевском замке множество помещений. Среди них есть как огромные залы, так и маленькие комнатки... В этих покоях прохладно даже жарким летом и сумрачно даже светлым днём. В залах каждый звук отдаётся гулким эхом. Лица Гогенцоллернов глядят на вас с портретов в позолоченных рамах. Их рыцарские доспехи блестят даже самой тёмной ночью.

А в подземельях Замка таится страшный зверь. Каждую ночь он поднимается наверх и бродит по Замку, заглядывая в приоткрытые двери.

Когда ему становится тесно в коридорах, он выходит во внутренний двор...»

Утром в пятницу, 17 августа 1564 года, едва часы на восьмиугольной башне Хабертурм показали половину десятого, из ворот Королевского замка выехала роскошная кавалькада, состоящая из восьми карет и сопровождаемая двумя десятками всадников.

Колокол на донжоне радостно приветствовал это событие.

Одеты кавалеристы были торжественно и празднично: яркие расписные куртки, развевающиеся плащи. В руках они держали длинные копья с флажками и штандартами. Впереди скакал герольд. Он трубил в рог и громко объявлял встречному люду, чтобы те не мешали движению герцога и сопровождающих его лиц к детищу Альбрехта – кёнигсбергской Академии, коей сегодня исполняется двадцать лет. На белом арабском скакуне Отто фон Трейт замыкал процессию. Несмотря на праздник, лицо его было непроницаемо, а взгляд – настороженным. По левому боку коня коменданта Замка постукивал узкий меч в расписных ножнах.

В передней карете ехал Альбрехт Бранденбургский с молодой герцогиней и наследником. В остальных ехали придворные, советники, священники и почётные гости.

Народ высыпал на улицы, приветствуя своего повелителя.

По утреннему городу далеко разнёсся звонкий цокот подков. Небо было ясным, ветерок тёплым, а покрытый лёгкой рябью Прегель, блестел, как рыба чешуя.

Томас Волькенштайн ехал в карете вместе с магистром Невиусом. Этот господин тоже входил в круг людей, приближённых к наследнику. Поэтому, приезжому доктору было интересно пообщаться с учёным человеком, и он сделал всё возможное, чтобы оказаться с последним в одной карете, сев как раз напротив его. Кроме них, в экипаже устроились два бакалавра, которые перевозили упакованные в мешки книги из личной библиотеки герцога. Это был подарок Альбрехта ко дню рождения Академии.

Глядя, с какими предосторожностями перевозятся драгоценные фолианты, магистр не преминул заметить:

– Вся жизнь его светлость относится к Академии, как к собственному ребёнку... Как любящий отец, да хранит его Господь и Пресвятая дева Мария... Уж сколько он передал в собственность Университета книг, сколько учебников напечатал на свои средства...

Магистр поведал доктору о том, что герцог с момента основания Университета стал приглашать в Кёнигсберг учёных людей в качестве педагогов. Студентом же этого учебного заведения мог стать не только сын богатого бюргера, но и отпрыск любого простолюдина, если у такового обнаруживался дар к учению.

– Да-да, и не смотрите так недоверчиво, господин врач! Это у вас в Кракове или в Боломье... такое может только присниться, а наш герцог заявил, что образование должно быть доступно даже детям бедных крестьян! Если те являются коренными пруссами и у них имеются способности, то могут получить бесплатное образование в Университете, при условии, что впоследствии будут служить в герцогстве, каждый в своей должности...

Волькенштайн внимательно слушал магистра и всё больше убеждался, что со стороны сего увлечённого наукой человека ничего вредного наследнику грозить не может.

Между тем, Невиус упомянул и о том, что университетской профессуре даны невиданные донныне привилегии: их освободили от уплаты налогов, однако, дозволили при этом заниматься пивоварением и рыболовством в Прегеле.

– Да что я вам рассказываю! – магистр порылся в складках мантии и достал свиток. – Пройдут года, потомки про нас и не вспомнят. Но, если сей документ сохранится, то они поймут, что сделал для них этот великий человек!.. С вашего позволения, любезный доктор, я зачитаю...

«Повелеваю всем и каждому из наших благородных прелатов и господ, представляющих рыцарство, дворянство, общины, города, сельское население и бюргерство и всех остальных наших подданных... чтобы они все вместе, и каждый в отдельности настоятельно и непреклонно оказывали содействие нашему университету и его профессорам, студентам и сотрудникам во всех вопросах и делах, касающихся основ, регалий, привилегий, статуты, юрисдикции, содержания и свобод; избегали любых недоразумений и нанесения ущерба, не создавали препятствий Университету сами и не позволяли того никому другому. А в случае необходимости все без исключения, кто бы то ни был, помогали защищать и охранять его интересы, во избежание сурового наказания, а именно, штрафа в 100 унций золота, который безо всякой пощады должен будет уплатить каждый, кто совершит деяние, причиняющее вред Университету. Писано в замке Кёнигсберг месяца апреля восемнадцатого дня, в день Святой Пасхи, в лето 1557 после Рождества Христова. Альбертус»...

Он мог бы ещё много интересного поведать любопытному доктору, приехавшему из Польши, но поездка быстро закончилась: процессия обогнула южную часть Замка, проехала по Альтштадту, переправилась через Лавочный мост на Кнайпхоф и очутилась перед Кафедральным собором. Возле собора прибывшие господа вышли из карет и направились к Университету.

Торжество по случаю двадцатилетия Кёнигсбергской академии началось ровно в десять часов. С праздничной речью выступил ректор Академии Якоб Гурвиц. Произнёс он её на латыни. Ректор поведал о пути, прошедшем учебным заведением за минувшие двадцать лет, о наиболее выдающихся выпускниках и преподавателях, о щедрой помощи самого основателя Академии, герцога Альбрехта Бранденбургского и его ближайших сподвижников Филиппе Меланхтоне и Андреасе Осиандере, о первом ректоре Академии – Георге Сабинусе²⁹. Далее в честь важного события состоялось торжественное богослужение в Кафедральном соборе. И без того густонаселённый Кнайпхоф в эти часы был переполнен зеваками, пришедшими сюда и с Ломзе, и с Лёбенихте, и с Закхайма... Впрочем, удовлетворив своё любопытство, люди расходились по своим делам, коих у каждого было немало...

После мессы герцог Альбрехт пригласил всех учёных мужей Университета отобедать с ним в Замке. Доктор Волькенштайн, наблюдая за ним, нашёл, что сегодня герцог выглядел гораздо лучше, чем несколько дней назад, когда они беседовали на берегу Замкового пруда. Лицо его было мужественным и помолодевшим, а взгляд – одухотворённым и искрящимся. На голове – та же широкополая шляпа. По-прежнему мощную фигуру облегал тёмный костюм, прикрытый белым плащом, на который был нашит чёрный «иерусалимский» крест. На широ-

²⁹ Меланхтон (грецизиров. от Шварцерд) Филипп (1497—1560) – религиозный деятель Реформации, соратник Лютера, систематизатор протестантского учения и теологии. Осиандер (Oslander, наст. фамилия – Hosemann) Андреас (1498—1552), нем. протестантский богослов и библист. Изучал классич. языки в Лейпциге. В 1520 стал католическим священником. Преподавал древние языки в университете Нюрнберга. О. был одним из первых последователей Лютера. В богословие лютеранства О. вошел как создатель учения о преобразующей силе благодати. В последние годы жизни он был профессором богословия в Кёнигсбергском университете и прославился как крупный учёный-гуманист. Георг Сабинус (нем. Georg Sabinus, настоящая фамилия Шулер нем. Schüller; 23 апреля 1508, Бранденбург-на-Хафеле – 2 декабря 1560, Франкфурт-на-Одере) – немецкий филолог и поэт. Сын городского головы. 1544 г. с учреждением нового университета в Кёнигсберге герцог прусский Альбрехт пригласил Сабинуса занять пост его первого ректора. Сабинус является автором университетской печати, на которой изображен поясной портрет герцога без головного убора, в латах и с обнажённым мечом.

кой груди красовался металлический орденский крест на чёрной ленте. Сбоку – неизменная шпага-фламберг.

Дальнейшие события происходили в зале Московитов Королевского замка. Этот самый большой зал Замка использовался для проведения торжественных мероприятий. К началу обеда он был заставлен массивными столами, покрытыми светлыми ажурными скатертями, причём расположили их в определённом порядке. Самый большой и роскошный стол – для герцога Альбрехта и близких ему людей. Остальные столы стояли рядами вдоль стен, с небольшими промежутками-проходами для гостей. Посередине нашлось место и для придворных музыкантов.

Доктор Волькенштайн был несколько удивлён, узнав, что и во внутреннем дворе Замка накрыли столы для горожан. «Пусть придут и порадуются вместе с нами, – сказал герцог Альбрехт. – Почтенные бюргеры, – обратился он к жителям Кёнигсберга, – прошу вас отпраздновать двадцатилетние нашей Академии! Все, кто поддерживал и намерен поддерживать наш Университет! Не обессудьте, если будет тесновато, зато вино в подвалах Замка не переведётся никогда! – он рассмеялся. – И помните: *Tarde venientibus ossa!*³⁰.

Герцог, после посещения Университета и Кафедрального собора, общения с профессурой, магистрами и бакалаврами, выглядел несколько утомлённым. Но, будучи окружён приближёнными, охотно общался со всеми, стараясь не прятать улыбку в усы и бороду.

– Дорогой Томас, – обратился он к Волькенштайну. – Позволь представить тебе моего верного слугу и доброго друга Дитриха Вёллера! А это, благородный Дитрих, мой старый друг и соратник, целитель и мудрец – Томас Волькенштайн!

Этот широкоплечий человек в кожаном колете, застёгнутом на шее, широких штанах и сапогах, ещё носивших следы дальней дороги, резко отличался от других, уже известных доктору Томасу, лиц. На вид ему было лет 35. Серые глаза, умный, пронизательный взгляд. Густые брови, усы и небольшая светлая бородака... Доктор, взглядевшись в черты его лица, сразу отметил твёрдость характера и бесстрашие представленного ему господина. И ещё он заметил висевшую на боку у Дитриха Вёллера длинную шпагу с узорчатой гардой и дагу³¹ с длинным прямым клинком.

– Он – тоже врач, – с улыбкой продолжил герцог, пока представленные господа церемонно кланялись друг другу. – И также – путешественник. Но, скажем иначе: *Privatissime*³² – выполняя мои личные поручения. А сейчас он прибыл из Московии! Представляешь: страна некогда диких славян превратилась в великую державу!

– Вот как? – удивился доктор Томас и вновь поклонился Дитриху Вёллеру.

– Да, дружище. Ты знаешь, этой весной у московского государя Ивана заработал печатный станок! Царь любезно одарил меня несколькими первыми книгами, напечатанными на Руси! Немного позже я покажу тебе «Апостол»! Изумительная по красоте книга!

– Но она не сравнится ни с одной из вашей Серебряной библиотеки, – скромно заметил Вёллер.

– Конечно, – согласился герцог. – Над некоторыми моими книгами поработали знатные ювелиры, мастера по серебру, а над иными – нюрнбергские мастера по золоту... Позже я покажу тебе, дружище Томас, эту сокровищницу. Серебряная библиотека находится у моей дорогой супруги Анны Марии в Нойхаузене... Что ж, – добавил он после некоторой паузы. – Царь Иван затеял войну с Ливонией. Приятно, что при этом он не забывает своих давних друзей...

³⁰ Опоздавшим достаются одни кости (лат.)

³¹ Кинжал для левой руки при фехтовании шпагой, получивший широкое распространение в Европе в XV – XVII веках

³² Самым частным образом, секретно (лат.)

– Ваша светлость, кушанья поданы! – объявил сенешаль Герман Пронас, худошавый мужчина высокого роста, облачённый в соответствующий для торжественного обряда костюм.

Изысканный пир продолжался уже более двух часов. К этому времени запахи яств и вин перемешались, создав в огромном зале благостную атмосферу. Так же смешались и звуки: голоса людей, звон серебряной посуды и кубков, музыка придворных виртуозов... Герцог Альбрехт захмелел, раскраснелся, но умело руководил праздничным застольем, не давая людям погружаться в глубокие раздумья, а тем более – грустить.

Сенешал с достоинством выполнял свою работу: на столе у герцога одно яство сменялось другим, после кабана и зайчатины настал черёд жареных гусей, за ними последовали сельдь и треска, а также прегельские угорь, сом и судак. К ним подавались овощи и фрукты, сыры и каши. Присутствовали на столе и вошедшие в повседневный рацион жителей Пруссии картофель и бобы.

К мясным и рыбным блюдам господин Пронас подавал приправы в пряном кисло-сладком сочетании. Здесь были уксус и кислый сок незрелых плодов из кёнигсбергских хозяйств, к ним присоединились специи на основе чёрного перца, имбиря и шафрана. Для подслащивания использовался сахар и мёд. От соусов и супов исходил лёгкий запах миндаля.

И конечно же большой выбор вин: рейнское, эльзасское, бургундское, ронское, бордоское... Белые, красные и розовые вина, всё, что хранилось в подвалах Королевского замка, было выставлено на столы и пользовалось повышенным вниманием присутствующих.

Герцогине прислуживали камерфрау. Анна Мария Брауншвейгская блистала и за столом. Её волосы были тщательно причесаны и заплетены в тяжелые косы, перевитые цветными лентами и золотыми нитями. Лоб супруги Альбрехта украшал обруч с переливающимися самоцветами. Она с лёгкой, кокетливой улыбкой выслушивала шуточные комплименты и любезности своего пожилого мужа.

Доктора Томаса и Дитриха Вёллера судьба свела за одним столом. Волькенштайн почувствовал к тайному послу герцога Альбрехта (как он окрестил загадочного путешественника) если не сиюминутную симпатию, то несомненный интерес.

Пожилой врач специально не стал занимать место рядом с герцогом (хотя тот любезно его пригласил), сославшись на необходимость кое за кем проследить. Альбрехт понимающе кивнул старому другу и полностью переключился на пир.

Находясь немного поодаль от главного действующего лица данного торжества, доктор Томас с удовольствием вкушал подаваемые поварские изыски, оценив высказывание Рабле о том, что аппетит приходит во время еды, и смаковал превосходные вина, отдавая предпочтение розовым. При этом он не забывал посматривать по сторонам и анализировать ситуацию. Первое, что его смутило, это отсутствие наследника, Скалиха и лейб-медика Титиуса. Сразу кольнуло сердце – Волькенштайн представил себе, как два взрослых человека в тесной и полутёмной комнате долго и настойчиво убеждают беззащитного мальчика в его умственной неполноценности. В то время как его могущественный отец и благородная мать увлечены светским пиром...

– Осиандер? – герцог вёл шумную дискуссию с двумя теологами из Университета. – Да, раньше мы с ним соглашались во всём! – Было заметно, что Альбрехт от души «приложился» к рейнскому. – Но потом он переврал учение Лютера, отчего и стали возникать в нашей Академии разные ложные течения, всё больше удаляясь от истинного...

– Но его учение, ваша светлость... – пытался возразить один из профессоров.

– Его учение о том, что оправдание не есть юридический акт признания Богом неправедного праведным, а должно пониматься как передача внутренней праведности, проистекающей из мистического соединения со Христом? – громогласно провозгласил герцог. Затем внезапно

успокоился: – Впрочем, вы – теологи, вам и решать! Спорьте, ибо в споре рождается истина, но не вносите смуту в сердца и умы студентов! *Arbor mala, mala mala!*³³

– О чём задумались, сударь? – на лице у Вёллера играла дружелюбная улыбка. – наших профессоров и после кружки альтштадского пива не оторвать от богословских споров. А вот я хочу сегодня наесться, как Гаргантюа!

Доктор Томас улыбнулся в ответ, а его соседа отвлек господин, расположившийся с другой стороны от Вёллера:

– Прошу извинить за вторжение в ваш разговор, любезный Дитрих, а как питаются эти самые... московиты? Говорят, они едят кору с деревьев, как зайцы в окрестностях Кёнигсберга?

– Если вам интересно, то я расскажу, – ответил ему Вёллер. – Но не забывайте, мой дорогой друг, что московиты – это народ, живущий среди настоящего богатства. Их леса полны дичи, а реки и озёра кишат рыбой! В часы застолий они едят много и от души! Случается, что со двора хозяина, угощающего гостей, люди не уходят по нескольку дней! Иногда приходится принимать меры для облегчения, ... опорожняющая желудок, ... прошу прощения, не к столу будь сказано! Но после этого обжорство продолжается вновь! И, заметьте: едят они отнюдь не кору! Баранья голова в чесночном соусе и жареные лебеди – это первое угощение для знатных московитов! Всё, что вы видите на этих блюдах, ... – он указал пальцем на ломившийся от яств дубовый стол, – их этим не удивишь! Здесь я что-то не вижу осетрины, да и как-то не достаёт мне теперь чёрной и красной икры...

– Вообще, сударь, – Вёллер вновь повернулся к Волькенштайну, – в Московии на большие праздники еду, вина и мёд доставляют обозами, столы же, уставленные серебряной и золотой посудой, ... нередко ломаются под тяжестью блюд!

– За столами, – опять поворот в сторону любопытного господина, – прислуживают по двести – триста человек, а в трапезе принимают участие...

– Не надо! – рассмеялся его собеседник, – теперь меня всю жизнь будет преследовать желание побывать на московской пирушке!

– А вы, сударь, наверняка начитались воспоминаний Йозефа Милха, – заметил Вёллер, – раз у вас такие сведения о московитах. Вы, наверное, думаете, что московский царь – упырь и кровожадный убийца, а его подданные – рабы?

– В общем, да, – смутился его оппонент.

– И напрасно, – тайный посланец вновь обернулся к доктору Томасу. – А знаете, что я долго держал в тайне своё ремесло... врача?

– Отчего же? – поинтересовался тот.

– Иноземные врачи у русских царей не в почёте. И это обосновано. Дело в том, что отец нынешнего царя, великий князь Василий III погиб при весьма странных обстоятельствах. Иноземные лекари Теофил и Николо не смогли спасти князя от ничтожной раны. Считается также, что не без помощи врачей была отравлена и мать нынешнего царя Елена Глинская.

– *Omnia in manus Dei*³⁴, – вздохнул Волькенштайн.

– А я воздам должное вот этой лопатке ягнёнка! – провозгласил Вёллер и вонзил двузубую вилку в приличный кусок ароматного мяса, лежащего на блюде. Затем обильно полил его кисло-сладким соусом. – *Carpamus dulcia – nostrum est quod vivis!*³⁵

В этот момент закончилась грустная мелодия, которую исполняли музыканты, и началась новая песня. Зазвучала лирическая романеска на слова Зигфрида Хольца. Пел немолодой

³³ Плохая яблоня – плохие яблоки (лат.)

³⁴ Всё в руках Божьих (лат.)

³⁵ Будем веселиться: нынешний день – наш (лат.)

исполнитель, которому подыгрывали на флейте и лютне. Но слова вокалиста плохо укладывались в голове старого доктора.

– Позвольте полюбопытствовать, сударь, – обратился он к Вёллеру. – У герцога ведь давние отношения с москвитами?

– Ещё в 1517 году герцог Альбрехт обратился к отцу нынешнего правителя Московии, великому князю Василию III за помощью в войне с польским королем Сигизмундом, и тот прислал ему своё посольство. Герцог принимал москвитов в этом самом зале. Отсюда и его нынешнее название... *A propos*, знаете ли вы, что, возможно, царь Иван и наш герцог принадлежат одному роду?

– Поясните, сударь...

– Московский царь Иван IV ведёт свою родословную от Рюрика... Есть сведения, что и Альбрехт Бранденбургский тоже Рюрикович.

Некоторое время оба молчали, слушая пение, которое начал уже хор под сопровождение инструментальной капеллы. Наконец, Волькенштайн поинтересовался:

– Я слышал, что царь Иван Васильевич затеял войну...

– Да, русский царь неглуп. Он понимает, что Руси без моря нельзя. Тем более, он считает, что берега Остзее – это древние славянские земли. Четыре года назад он отвоевал город Нарву и теперь строит там порт, чтобы выйти на морские просторы... Понимаете, что случится, если москвиты получат доступ в наше море?

– У них и у нас откроются новые возможности для торговли...

– Да! И я уже говорил, насколько богата эта страна! Представьте, сударь, мы ведём с москвитами торговлю: поставляем им янтарь, а они нам – пушнину! Куницу, соболя, песца... А мы могли бы торговать этим с Англией, Голландией... Да со всем миром!..

– Но в море сейчас хозяйничают шведы...

– Вы правы. Придётся бороться с пиратами. Но, думаю, со временем, мы приструним и «викингов»...

Томас Волькенштайн обратил внимание на оживлённый разговор проповедника Иоганна Функа со своими приближёнными – Маттиасом Хорстом и Иоганном Шнеллом. Со стороны казалось, что они затевают какой-то заговор – настолько нелепо смотрелась троица на фоне всеобщего веселья.

– Долго ли вы отсутствовали при дворе герцога? – спросил он у тайного дипломата.

– Четыре года, – ответил тот. – И с грустью нахожу, что многое тут изменилось, причём не в лучшую сторону.

– Я всё больше убеждаюсь в том, что герцогу сегодня нужны не советники, чародеи и астрологи, а... надёжный защитник...

– Вы правы, – тихо произнёс Вёллер. – Приехав сюда, я был счастлив... но и сильно удивлён тем, что он до сих пор жив... Незадолго до моего отъезда на его жизнь уже покушались... Герцога пытались отравить...

– Вот как? Надеюсь, злодея нашли и жестоко наказали?

– Увы... Был использован какой-то необычайно сильный яд, который совсем не ощущался под миндальным соусом... Хвала господу, что герцог рано закончил трапезу, его блюдо, уже убранное со стола, решил попробовать один из юношей, прислуживающий ему... Смерть была мгновенной... С той поры я не прикасаюсь к тем блюдам, которые пахнут миндалём...

Некоторое время доктор Волькенштайн раздумывал, стоит ли ему открыться малознакомому человеку.

– Как вы считаете, сударь, кто взойдёт на престол после смерти герцога?

– Его сын Альфред Фридрих.

– Но его считают слабоумным...

– Тогда, по закону – его супруга.

– А если и она умрёт?

Наступила пауза.

– Вот вы куда клоните, любезный доктор...

Их беседу прервал громкий голос самого герцога:

– Где встречаются два теолога, разговор затевается о Всевышнем, но когда спорят врачи, то никто не сомневается, что их речь – о медицине! Здоровье – бесценный дар, который преподносит человеку Создатель. Разве может без него жизнь оставаться по-прежнему желанной, интересной, счастливой? Поведайте миру, почтенные господа, как лучше избежать болезни? А то ведь мы, грешным делом, хоть и страшимся смерти, но так редко внимаем советам знающих эскулапов!

Его поддержало близкое окружение.

– Вы сказали очень мудрые слова, – ответил герцогу Вёллер. – Как ни странно, о здоровье мы знаем намного меньше, чем о болезнях. Наличие здоровья определить просто, однако, рассказать о нем весьма сложно...

Вы правы в том, что люди легкомысленно растрачивают этот божественный дар, забывая, что потерять здоровье легко, а вернуть его иногда невозможно! Поэтому и выходит, что жизнь дается всем, а старость – только избранным! В первую половину жизни человек обычно приобретает болезни, а во второй – начинает искать способы, как от них избавиться. Здоровье же всегда требует от человека работы и определённых ограничений. Но это единственный способ прибавить не только годы к жизни, но и жизнь к годам.

– Главная причина болезней – зависть, злоба и страх! – среди притихшего зала раздался голос доктора Волькенштайна.

– К тому же, в вашем теле не должно быть ленивых мышц, а каждую свою трапезу мы должны сначала заслужить какой-нибудь работой и усталостью, – вторил ему Вёллер.

– А что нам делать в случае мигрени после столь обильного застолья? – произнёс Функ, проглотив кусок баранины и запив его рейнским.

– А вам, сударь, я советую... от мигрени... поставить свою кровать изголовьем на север и покидать её не к обеду, как вы привыкли, а с первыми петухами!

Веселье в зале возобновилось. Кубки начали наполняться, послышались шутки и смех.

– У вас отличная шпага, – тихо заметил Вёллер. – Насколько хорошо вы владеете ею?

Доктор Томас не смог скрыть улыбки:

– К моим услугам были великолепные итальянские мастера фехтования... И большая практика на дорогах Европы!

– Тогда я за вас спокоен, – улыбнулся в ответ загадочный собеседник.

Праздничный пир закончился. До ночи слуги убрали столы, развозили подвыпивших господ по домам, иных укладывали в свободные комнаты. Двор тоже привели в порядок. Оттуда ещё засветло «попросили» празднующих бюргеров, и те не стали артачиться, благо, попотчевалось за счёт герцога превеликое количество горожан.

Когда всё начало стихать и погружаться в глубокий сон, доктор Томас удобно расположился в своей комнате. Он сделал несколько записей в потайной свиток, который спрятал, как ему казалось, в самое надёжное место – в полое основание массивного подсвечника. И теперь, несмотря на позднее время и обильную еду, ему не спалось и хотелось заняться составлением гороскопа – натальной астрологической карты на герцогиню Анну Марию Брауншвейгскую, супругу Альбрехта.

Собираясь с мыслями, Волькенштайн выглянул в окно. Ночь зажгла яркие звёзды над Кёнигсбергом. Казалось, что они дразнят и манят его к себе, в тёмное, загадочное и бескрайнее небо. Луна прищуренным оком безмолвно следила за доктором. «Прекрасная пора, август...» – вздохнул Волькенштайн.

Вдруг, порыв свежего воздуха ворвался в его окно. Затрепетало пламя свечи и доктор понял: это отворилась входная дверь. И тотчас что-то мягко упало на пол. Отпрянув от окна, Томас быстро проследовал к двери, приоткрыл её и прислушался. Далеко, в тиши Замка эхом разносились чьи-то торопливые шаги...

На полу лежал крохотный свиток, перетянутый тонким шнуром. Развернув его, Томас подошёл поближе к свече.

«Вас ждут во внутреннем дворе Замка поблизости от дома Конвента. Не поднимайте шума и ничего не бойтесь. На все Ваши вопросы будет дан ответ.

Мастер языка».

Чувство беспокойства вновь захлестнуло душу доктора. Но, на раздумья нет времени. Если это друг, то он ответит на все вопросы Волькенштайна, а их накопилось немало. Но если писал враг, то доктор всегда готов дать достойный отпор: его рука тверда, а умение пожилого врача фехтовать испытало на себе множество бретёров, дуэлянтов и разбойников, чьи тела остались лежать на пыльных дорогах и мостовых разных городов беспокойной Европы.

Он подпоясался широким ремнём, проверил, легко ли выходит шпага из ножен и последовал к лестнице, ведущей во внутренний двор. Ночная прохлада освежила его голову. Доктор прислушался и осмотрелся. Яркая луна и несколько горящих факелов хоть с трудом, но всё же освещали внутреннее пространство Двора. Когда-то здесь проходили рыцарские турниры, за которыми наблюдали зрители с деревянных галерей, расположенных по периметру. В дальнем конце Двора располагался древний колодец, выкопанный ещё первыми строителями Замка. Рядом с ним – дом Конвента. Это строение, как узнал Волькенштайн, собирались сносить. Но, пока оно стояло, хоть и в заметно обветшавшем виде. В нём ютились слуги, работающие на кухне, строители и прочая челядь.

Где он, этот таинственный Мастер языка? Надо же, придумать такое прозвище...

Внезапно, волна страха буквально с головой накрыла доктора. Волькенштайн ещё ничего не увидел и не услышал, а его рука молниеносно выхватила шпагу! И тут из черноты ночи возникло чьё-то мертвенно бледное лицо, приобретшее в свете луны неестественный восковой оттенок. Томас попытался сделать разящий выпад, поскольку был уверен, что перед ним враг!

«Иш-ш-шь... ты...» – только и услышал он чьё-то шипение. И в ответ сверкнул другой клинок...

Острая боль пронзила грудь Томаса Волькенштайна. Холодная сталь с хрустом вошла в тело доктора, поразив его в самое сердце.

«Звёзды... – порванной струной зазвучала его последняя мысль, – я иду к вам...»

Глава 5. Тайная дипломатия на службе герцога Альбрехта

«...Это не мыши скребутся в ночной тиши. Это роет подземные ходы Зверь. Он умело прячется в мрачной глубине подземелий, выжидая свою добычу. Сколько людей бесследно исчезли в его логове, и сколько исчезнут ещё, не знает никто...»

Тело несчастного доктора обнаружили в Прегеле только через день. Оно запуталось в рыбацких сетях. Наткнувшись на такую ужасную находку, выдавший виды рыбак был поражён и сильно испуган. Труп Волькенштайна был изуродован до неузнаваемости и распотрошён, как будто внутри него разорвалось пушечное ядро (большинство органов были повреждены, а сердце попросту отсутствовало). К тому же и речные обитатели не преминули заглянуть на угощение...

За день до этого весь Королевский замок буквально сбился с ног в поисках старого друга герцога Альбрехта. По приказу бургомистров были подняты все силы Альтштадта, Лёбенихте и Кнайпхофа, задействованные для поддержания порядка в этих городах. И вот, менее чем в пятистах рутах³⁶ от Кнайпхофа, ниже по течению, была обнаружена страшная находка...

– Это он, ваша светлость, – голос Дитриха Вёллера был глух и печален. – Я узнал его по небольшому серебряному перстню на мизинце.

– Перстень? Я его раньше как-то не замечал... – герцог тяжело опустился на стул. Лицо правителя было мертвенно-бледным, лишь вокруг глаз обозначились тёмные круги – следствие бессонницы. – Ты не ошибся, друг мой? – с надеждой переспросил он.

– Я запомнил этот перстень во время праздничного пира. Он действительно малозаметен, но именно такой и был на мизинце доктора Томаса. К тому же лицо, хотя оно и изрядно пострадало... В общем, ошибки быть не может, ваша светлость. Кто-то зверски убил вашего друга, и я не думаю, что это – случайность или недоразумение!

– Да, да... – прошептал герцог. – Доктор Волькенштайн по моему поручению расследовал обстоятельства, сопровождающие болезнь моего сына и наследника... Я предупреждал его о необходимости соблюдать осторожность... Пресвятая Дева, у меня под носом затаился враг!..

– Видимо, доктор слишком близко к нему подобрался...

– Я ещё на пиру чувствовал, что Томас что-то хочет мне сообщить! – с грустью молвил Альбрехт. – Но решил поговорить с ним после праздника...

– Осмелюсь доложить вам, ваша светлость, что в комнате доктора кто-то произвёл настоящий обыск. Видимо, ваш друг вёл какие-то записи или составил гороскоп...

– Проклятие! – в сердцах воскликнул герцог. – Значит, они всё похитили!

Разговор происходил в кабинете Альбрехта, где кроме него самого и тайного посланца в московские земли больше никого не было.

Солнце покинуло восточную часть Замка, откатившись по небосводу к его южной стороне. В кабинете стало сумрачно, но никто не торопился зажигать свечи. На столе перед Альбрехтом стоял графин с красным вином. В полутьме оно казалось кровью. Герцог наполнил серебряные кубки.

– Выпей со мною, мой друг. Ты даже не представляешь, сколь тяжела моя потеря...

– Позвольте, ваша светлость, я сам расследую обстоятельства гибели Томаса Волькенштайна... А также продолжу то дело, которое вы ему поручили.

Герцог молча влил содержимое своего кубка в рот, вытер губы и произнёс:

– Я бы не хотел потерять и тебя, мой друг... Дело оказалось гораздо опаснее, чем я предполагал...

³⁶ Примерно 2 км

– Я буду очень осторожен, ваша светлость. Бороться с опасностями – моё ремесло.

– Что ж, – герцог поднял голову и пристально взглянул в глаза путешественника. – Ты показал себя прекрасным воином и отличным дипломатом. Документы, которые ты привёз, мы ещё будем изучать и готовить ответ русскому царю. На это уйдёт время. А ты пока отдыхай, но если сам желаешь, ... то я не могу отказать тебе в подобной просьбе...

– Мне понадобится охранная грамота от вас, ваша светлость – промолвил Вёллер. – Я не хочу, чтобы мне строили козни и препятствия в ходе расследования. Пусть люди, знают, что я действую по вашему прямому указанию...

– Ты получишь её, дружище. Чего ты хочешь ещё?

– Во-первых, я должен тщательно осмотреть покои доктора Волькенштайна. Возможно, убийцы не нашли то, что искали...

– ...Зато отыщешь ты? Пусть будет так. Какую ещё помощь ты ждёшь от меня, мой друг?

– Пусть ваши советники не мешают мне...

– Никто не будет знать об этом деле, если ты так хочешь. Но я бы на твоём месте обратился за советом к Паулю. Я выдал Скалиху полторы тысячи флоринов на магические опыты. Он умеет общаться с духами умерших людей и, возможно, сам Томас Волькенштайн назовёт ему имя своего убийцы.

– Именно этого я желал бы менее всего, – ответил Вёллер и учтиво поклонился герцогу.

– Ступай, дружище. Иди и делай своё дело. А я стану молиться за тебя...

– Действовать будем, как всегда, вместе, брат мой Симеон, – обратился к высокому, худощавому, но жилистому мужчине лет тридцати Дитрих Вёллер. – Мы с тобой распутали множество загадок. Надеюсь, с Божьей помощью, справимся и с этой. Не забывай, что для посторонних глаз, ты – мой слуга. И когда я буду подниматься в господские покои, ты станешь общаться со слугами. Они зачастую знают гораздо больше своих хозяев.

– Ты как будто знал, что твой приезд на родину будет сопровождаться очередным расследованием, – ответил Симеон, заправляя рубаху в узкие штаны. Проклятие, что за ужасная мода! Срам один! То ли дело наши казацкие шаровары...

– Боюсь, ты никогда не привыкнешь к европейскому... стилю жизни, – усмехнулся Вёллер. – Герцог дал согласие на мою просьбу. Итак, тебе есть что доложить?

Поверх сорочки Симеон надел короткий польский жупан, на голову он водрузил венгерскую шапку магерку. Сапоги и висящий на боку палаш с серебряной чеканной рукоятью в обтянутых алым бархатом ножнах делали его похожим на обедневшего польского шляхтича.

– Вхожу в роль, герр доктор, – Симеон почтительно поклонился Вёллеру. – Я тщательно обследовал Внутренний двор Замка и поговорил с прислугой. – Тут он понизил голос. – Похоже, что нашего доктора убили здесь. Пойдёмте во Двор, тут совсем рядом с домом Конвента...

Они вышли из дверей...

Семён Жменя был донским казаком. Стриженным «под горшок» восемнадцатилетним пареньком он оказался в казацком войске, под предводительством Сусара Фёдорова, и в 1552 году принял участие в осаде и взятии Казани.

– Кто это у тебя так лихо беседует с пленным татаринном? – как-то поинтересовался у Фёдорова князь Михаил Воротынский.

– Мой казачок Сенька Жменя. Толковый и остроглазый выросток, а языки схватывает, как заправский толмач! И в бою не промах – в седле и с саблей с десяти лет! Да и страху не ведаёт: участвовал в подкопе городской стены, куда мы зелье закладывали!..

– Славно, – почесал бороду Воротынский. – Государю такие хлопцы потребны. Я доложу о нём...

И оказался Семён Жменя на службе в Посольском приказе, коим руководил тогда думный дьяк Иван Висковатый. Сие учреждение ведало переговорами с другими державами. Иван Михайлович довольно быстро «прибрал к рукам» всю дипломатическую кухню и сыскную деятельность. Государь Иван Васильевич высоко ценил выведенные сведения, получаемые в Посольской канцелярии, и благоволил к её служащим.

К герцогу Альбрехту московский царь, затеявший войну с Ливонией за выход к Балтийскому морю, питал если не родственные, то достаточно уважительные чувства. Послы от герцога приносили ему подчас жизненно важные сведения. Таким посланником оказался и Дитрих Вёллер.

Герцог Альбрехт вёл с московским царём переговоры втайне от своего суверена – польского короля Сигизмунда. Он полагал, что московский царь поспособствует ему, наконец, добиться для Пруссии независимости от Кракова. А царь Иван питал надежды на помощь Альбрехта в ливонской войне.

Провожая посла в обратный путь, царь приставил к нему телохранителя. Самому же Семёну Иван Грозный дал такой наказ:

– Ты, Сенька, стереги немца пуше живота своего. Я считаю, что герцог Альбрехт долго будет нашим другом и то, что я задумал на морских берегах, он, герцог, с Божьей помощью, поддержит. Лучше свою голову сложи, но посла от напасти удержи!.. А находясь в землях польских и немецких, всё что выведаешь – мотай на ус! Уразумел?..

И отправился Симеон с немецким врачом-посланником в дальний путь. Тяжёл и опасен был поход, но и сам Вёллер был мастером клинка, да и донской казак свято исполнял свой долг. Несмотря на различные приключения и стычки с лихими людьми, до Кёнигсберга добрались благополучно.

При этом оба посланника считали себя по чинам равней. Со временем между ними наладились приятельские, даже дружеские отношения. Они словно заключили между собой негласное соглашение: не лезть друг другу в душу, уважать чужие традиции и обычаи, помогать спутнику в тяжёлую минуту. Не стало препятствием и различное вероисповедание. Ведь вера в Спасителя помогает каждому человеку найти лучшее в себе, считали друзья.

Тайный посланник – должность щекотливая... Иногда Вёллеру, в зависимости от ситуации, приходилось играть разные роли – от путешествующего врача, до странствующего рыцаря. В таких случаях Семён, ставший Симеоном, брал на себя обязанности его помощника или слуги. Он даже, скрепя сердце, побрил щеки на французский манер: сделав из своей густой темной бороды – тонкую изящную бородку. Так же, в походный сундук до лучших времен отправилась шапка с клобуком и казацкий суконный чекмень.

– Вот следы от сдвинутых столов и лавок, герр доктор, – еле слышно произнёс Симеон. – Они были убраны вечером в день празднования. И всё же, поверх этих вмятин кое где я заметил запёкшуюся кровь... Хотя, праздник прошёл без кровопролития. Оно произошло позже – ночью... А теперь, подойдите к стене... Обратите внимание... Вы видите, куда брызнула кровь?

– Похоже, именно здесь и был нанесён роковой удар...

– Да, и тот, кто его получил, упал вот сюда!

В густо растущей траве у самого основания стены они обнаружили другие бурые пятна.

– Но крови натекло совсем немного...

– Его подняли и понесли! Заметьте, доктор, не потащили, а понесли! Одиночные капли крови я обнаружил во Дворе и догадался, куда первоначально спрятали тело.

– Это башня Лиделау!

– А тот, кто нёс тело, вероятно, сильно испачкался... Как вы думаете, сударь, не следует ли нам прямо сейчас заглянуть в эту башню?

– Заглянем, дружище Симеон, обязательно заглянем. Но прежде нам надо выяснить, что за люди сюда приходят... Ведь это не совсем обычная башня... Давай-ка, возвращайся к себе и жди меня там. А я загляну в покои доктора Волькенштайна и попытаюсь отыскать что-нибудь, что должно было остаться после беглого обыска...

– Чем же она необычна, эта башня?

– Видишь ли, брат мой, эта древняя башня названа в честь фогта³⁷ Дитриха Лиделау... Он был... жестокий человек, к тому же – судья.

– Понимаю... Кто в чин вошёл лисой, тот в чине будет волком!

– Эта башня считается самым страшным местом в Кёнигсберге. В ней находился пыточный подвал и подземная тюрьма... Из которой не возвращался никто.

– Подземная тюрьма? Стало быть, из этой башни есть выход в подземелье...

– Именно так, дружище Симеон. В одной из камер подземелья злодеи зачем-то изуродовали тело доктора, а затем вытащили его через один из ходов и бросили в реку.

– Кто же они, эти нелюди? – в сердцах произнёс казак.

– Думаю, мы это скоро узнаем...

Симеон недоверчиво посмотрел на высокую башню, хранящую в себе мрачные тайны.

– Знаешь, дружище, сегодня мне приснился странный сон, – молвил Вёллер, оглядывая каменную кладку старой крепостной стены. – Я не хотел тебе об этом рассказывать...

– Я не мастер разгадывать сны, но иногда в них звучат явные призывы к действию.

– Так вот. Приснился мне доктор Томас. Мне кажется, он хотел приоткрыть тайну своей смерти...

Казак молча слушал, посматривая на ворона, усевшегося на край стены и высматривающего, не осталось ли чего съестного на территории Замкового двора.

– Он произнёс странную фразу... «Чтобы мрак рассеялся... нужно взять в руку свечу» – вот, что он сказал.

– И всё?

– К сожалению, всё... Понимаю, что этого мало, чтобы сделать какие-то выводы...

Но в этом определён что-то есть...

– Так и сделаем. Запасёмся свечами... По-моему, он предупреждает, что нам придётся плутать во тьме...

– Ты прав, дружище. У меня теперь не выходит из головы эта чёртова башня Лиделау!

Поднявшись наверх, доктор Вёллер обратил внимание на царившую в Замке суету. Чуть позже он узнал, что герцог решил отправиться в свою резиденцию в Тапиау и слуги спешно готовились к отъезду.

По приказу Альбрехта обстановка в комнате Томаса Волькенштайна осталась нетронутой. Сквозь приоткрытое окно робкий свет проникал в осиротевшее жилище. На полу валялись подушки и одеяло, стоящий у изголовья кровати дорожный сундук доктора был открыт, все вещи из него были выброшены и валялись тут же. Было очевидно, что убийцы искали записи врача-хироманта.

«А заметки, без сомнения, велись, – подумал Вёллер. – Перо и чернильница стоят на столе... Догадался ли несчастный доктор спрятать свои бумаги? Или он унёс их с собой на ночное свидание?»

Беглый осмотр не дал никаких результатов. Казалось, что тут и прятать-то негде. Обстановка последней обители лекаря-путешественника была на удивление бедна. Если что-то важное находилось в постели, то она выпотрошена. Если в сундуке, то и его содержимое вытрянуто...

³⁷ Светское должностное лицо в церковных владениях епископа или монастыря, наделённое судебными, административными и фискальными функциями.

«Подскажи, дружище, – мысленно обратился Вёллер к старому врачу. – Куда ты подевал свои записи. Ведь ты же вёл их... Неужели они действительно похищены?»

Взгляд Дитриха привлек массивный стол. Он стоял на четырёх ножках, вырезанных в виде львиных лап. Похоже, его не сдвигали... Тайный посланник герцога заглянул под крышку стола, постучал по ножкам... «Думаю, никакого тайника тут не было предусмотрено... А вот такой же весьма габаритный подсвечник... Доктор Томас, конечно, пользовался им, когда надо было поработать ночами. Если была необходимость пройтись по Замку, для этого имелся маленький подсвечник с одной свечкой. А этот, напоминающий перевёрнутый вазон, в который вставлены целых пять свечей, наверное, весьма увесист».

Вёллер ещё раз осмотрелся. Да, воистину, спартанское жилище. На столе ещё стоял серебряный кубок и кувшин с вином. Но кубок был пуст, а содержимое кувшина было выплеснуто на пол...

Врач взгляделся в медную поверхность массивного подсвечника. Отчего-то захотелось поднять его и подержать в руках... К удивлению, светильник оказался гораздо легче, чем он ожидал. Рука словно по волшебству скользнула под декоративное основание, и пальцы нащупали что-то жёсткое...

«...нужно взять в руки свечу!» – вдруг вспыхнули в мозгу слова несчастного Волькенштайна.

Вёллер заглянул внутрь подставки. Она укреплялась двумя полосками из меди, соединёнными крест-накрест. А вот за ними...

Минутой позже Дитрих извлёк из недр подсвечника тугой свиток, перетянутый тесьмой, и развернул его...

– Пресвятая дева! – воскликнул обрадованный дипломат. – Это же и есть записи Волькенштайна!

Спрятав драгоценную находку в складках своей одежды, Вёллер вышел из комнаты покойного доктора. «Мы отомстим за тебя, друг», – мысленно произнёс он.

В этот момент раскрылась дверь кабинета герцога Альбрехта. Оттуда вышел слуга, вынося пустые кувшины из-под вина.

– Рейнского в карету! – послышался зычный голос самого герцога.

Вёллер направился к Альбрехту в надежде получить обещанную охранную грамоту.

– Это ты? – герцог был уже изрядно пьян. – Вот, дружище, документ, который ты просил. Он откроет тебе все двери в Пруссии... Держи меня в курсе дел. Я буду у себя в Тапиау. Воспользуйся поддержкой Скалиха...

– Благодарю вас, ваша светлость!

– Бедный доктор! – воскликнул Симеон и истово перекрестился. – У нас на Руси, чего греха таить, тоже случаются подобные зверства, но здесь, под боком у великого герцога! В этом уютном уголке Европы!..

– Зло не признаёт никаких границ, дружище Симеон, и проникает в самые заповедные уголки нашего мира, – изрёк Вёллер. – Сейчас, как мы видим из записей доктора Томаса, этого весьма проникательного человека, оно свило гнездо в непосредственной близости от герцога и его семьи...

Дипломаты сидели в тесной каморке Северного крыла Замка, выделенной под временное жилище казака Семёна Жмени, чей истинный статус держался в секрете для дворцовой челяди. За окном сгустились сумерки, в разрывах облаков виднелись россыпи звёзд. Издалека доносилось уханье филина. На небольшом столике горели свечи, бросая робкий свет на лица собеседников.

Вёллер молча наполнил кубки вином из глиняного кувшина.

– Помянем старого хироманта. Он вручил нам нити для дальнейшего расследования.

Они осушили кубки и немного помолчали.

– Коль Бог души не вынет, то сама она не выйдет,... – задумчиво произнёс Симеон. – А мог ли доктор предвидеть для себя такой исход?

– Не думаю... Ведь ему было уже немало лет. В таком возрасте естественная смерть – вполне закономерный итог...

– И всё же... Что заставило его выйти во Внутренний двор?

– Я не думаю, что он решил совершить прогулку перед сном... Видимо, его каким-то образом выманили.

Симеон поднялся из-за стола и подошёл к узенькому окошку. Постоял, вслушиваясь в ночную тишину.

– Так завтра мы едем в Нойхаузен?

– Да, мой друг. Тем более, есть отличный повод: меня пригласили ознакомиться с Серебряной библиотекой. Необходимо собрать как можно больше сведений об окружении герцогини. Говоря нашим, дипломатическим языком, по всему видно, что готовится какой-то заговор... Узнав его цель и выявив главных зачинщиков, мы, возможно, спасём Анну Марию и... наследника.

– Выезжаем на рассвете?

– Да, ещё есть время отдохнуть. Я попробую подобрать ключики к ларцу по имени Анна Мария...

– А я займусь фрейлинами и слугами...

Вдруг Симеон, вглядывающийся в ночную темень, резко взмахнул рукой. В тот же миг Вёллер задул свечу и подскочил к окну.

Там, во Внутреннем дворе послышался посторонний звук, напоминающий шорох одежды. Если бы кто-то чихнул, это не вызвало бы столь резкой реакции двух, привыкших к опасностям, друзей. Но от этого неотчётливого, почти неслышного шуршания исходила настолько зловещая сила, что поневоле заставила насторожиться выдавших виды путешественников.

Затем раздалось приглушённое звяканье ключей на цепи и скрип отворяемой двери. В густой тьме вспыхнул огонёк факела. Стало ясно: кто-то собирался проникнуть в башню Лиделау. Дверь раскрылась, расширяя проход. Две или три фигуры в серых одеждах прошмыгнули внутрь.

Глава 6. Тайная дипломатия в райском уголке

«... Если бы замок Нойхаузен внезапно оказался охвачен огнём, первое, что стали бы спасать его обитатели, это бесценную Серебряную библиотеку. Коллекция принадлежала супруге герцога Альбрехта Анне Марии и насчитывала два десятка книг по богословию. Немалая её часть состояла из сочинений Мартина Лютера. Переплёты семнадцати книг были отделаны серебряными пластинами с витиеватой гравировкой и украшены серебряными застёжками и петлями. Три тома были оправлены золотом.

Но когда этих великих творений касались руки мошенников, убийц и предателей, их блестящая поверхность отчего-то не чернела...»

Семён Жменя не терял надежды, что когда-нибудь вернётся к себе на Дон. Да, предстоит долгая и нелёгкая служба в Посольском приказе, будут ответственные поручения, но потом... Поэтому и снились ему такие сны: шорохи и запахи ночного куреня, родная степь, плеск полноводной реки... Этой ночью он вновь купал коня. Сам как будто опять стал мальчишкой, а конь – это его Каштан, верный друг в сегодняшней беспокойной жизни. Реку и её берега, словно мохнатой буркой, покрыл густой туман, который поглотил все посторонние звуки. Только откуда-то издали слышался жалобный скрип колодезного журавля...

Ранним утром 20 августа 1564 года из Замковых ворот Кёнигсберга выехал всадник. Чёрный дорожный берет, широкий плащ, накинутый поверх кожаного колета, высокие сапоги, вооружение, состоящее из шпаги и даги, всё свидетельствовало о том, что путник собрался в дальний и опасный поход. Во всяком случае, если даже путь и был близким, то к возможным неприятностям всадник подготовился тщательно. Весь его вид говорил о том, что становиться на пути этого человека было, по меньшей мере, безрассудно.

В эту пору улицы Кёнигсберга уже проснулись, народ потянулся в Альтштадт, к торговым рядам, к разгружающимся судам. Задымили пекарни и кузницы, звон подков и грохот колёс всё настойчивее врвался в окна горожан.

Едва всадник пересёк Замковую слободу и углубился в трущобы Росгартена, со стороны Замка вслед ему огромной серой крысой метнулся человек, одетый под цвет этого животного и даже копирующий его повадки. Описать этого торопящегося пешехода было сложно – он тщательно скрывал своё лицо от посторонних... Единственное, что сразу же бросалось в глаза – уродливый горб на его спине. Человек действительно чрезвычайно спешил, но одновременно старался не привлекать к себе лишнего внимания. Он вошёл в неказистый домишко, какими была застроена Замковая слобода. Через пару минут из ворот стоящего рядом дома выехал другой всадник, который сразу направил своего коня следом за первым. При этом преследователь выглядел словно монах: длинный плащ и капюшон, скрывающий лицо практически до подбородка... Только священником он, разумеется, не был – сноровка и выправка выдавали в нём умелого наездника, а притороченный к седлу арбалет мало напоминал Псалтырь.

Минутой позже следом за «странным монахом» в том же направлении неспешно выехал третий всадник. Любопытный прохожий, взглянув на него, сразу бы подумал: это – польский шляхтич... А если и не шляхтич, то, по всей видимости, доверенное лицо некоего важного господина. Он ехал, широко улыбаясь и приветливо кивая встречным молодым людям, и казался вполне беспечным, словно совершал увеселительную прогулку. Особи женского пола не могли не отметить его красивое мужественное лицо и обольстительный взгляд. Но, удивительное дело: те, кто оборачивался вслед проехавшему молодцу, спустя всего несколько мгновений, уже не могли его разглядеть – тот непостижимым образом растворялся среди спешащих по делам людей, густой листвы деревьев, за уступами домов и в узких переулочках.

Через некоторое время первый господин достиг окрестностей замка Нойхаузен, о чём свидетельствовал виднеющийся в пятистах рутах впереди орденский Мельничный дом со стройной кирпичой. Всадник спешил, оставил коня щипать сочную траву близ ручья, а сам удобно расположился в тени роскошного дуба. Второй, так похожий на монаха, следовал за данным господином вплоть до его остановки. Некоторое время он, спрятавшись за деревьями, наблюдал за ним. Наконец, убедившись, что тот намерен посетить Нойхаузен, как только немного отдохнёт, повернул своего коня обратно.

Третий же всадник, издалека слышав его приближение, быстро и бесшумно укрылся в придорожном кустарнике. «Странный монах», между тем, погнал коня к Кёнигсбергу, но не остановился возле дома, из которого выехал утром, а повернул в сторону Трагхайма. Целью его был роскошный особняк на берегу Замкового пруда.

«Польский шляхтич» отследил его путь до самого конца, при этом умудряясь оставаться незамеченным, после чего повернул коня в сторону Нойхаузена, где через час встретился с первым господином.

– Итак, слежка за мной велась... – то ли спросил, то ли сделал вывод Вёллер, когда Симеон слез с коня и повёл его к ручью.

– Как говаривали в Риме: *Caveant consules*³⁸, – ответил казак, утирая пот с лица. И делано-озабоченно: – Пока некоторые наслаждаются красотами природы, другие выслеживают злодея...

– Не томи душу, дружище, – улыбнулся «герр доктор» и участливо похлопал по плечу товарища. – Рассказывай, что видел!

– Когда есть пиво, приходят и гости, – промолвил Симеон. – Да, слежка велась.

Он наклонился к ручью и сделал несколько жадных глотков. Затем зачерпнул воды и омыл ею лицо и шею. – Помнишь ли, братишка (иногда он употреблял в беседе с Вёллером казацкие выражения, к которым тот давно уже привык), роскошный дом, на который ты давеча обратил моё внимание?

– В районе Трагхайма? Резиденция Скалиха?

– Верно, как сто гадалок нашептало! Проследив твой путь, шпион помчался докладывать своему покровителю. А коль тот обитает в доме Скалиха, то отсюда можно сделать вывод...

– ...Всё-таки Скалих, – выдохнул Вёллер.

– Очень похоже на это... Но не будем торопиться. В нашем Кодексе дипломата есть замечательная фраза: «Если среди тысячи доводов есть хотя бы один сомнительный, проверь его, прежде чем переходить к действиям»...

– Непременно проверим, дружище. Для этого мы и прибыли в Нойхаузен. Впрочем, нас ждут... Надо торопиться. Действуем, как ранее договорились.

Спустя минуту, два друга были уже на конях и следовали к замку.

Вытянутый прямоугольник замка Нойхаузен был форпостом, охраняющим Кёнигсберг с северо-восточной стороны. Находился он от Королевского замка на расстоянии более одной прусской мили³⁹. Строение было возведено в 1295—1297 годах и впоследствии не раз укреплялось и перестраивалось. На первый взгляд размеры замка не впечатляли: крылья строений имели длину: западное и восточное – около ста локтей, а южное и северное – 150⁴⁰. Всё сооружение было обнесено мощными стенами, а широкий ров наполнялся водой из Мельничной речки с запада и одноимённого ручья с востока. Ниже по течению река и ручей сливались, образуя Мельничный пруд.

³⁸ «Пусть консулы будут бдительны» (указание римского сената консулам в критические для государства моменты) – Берегитесь, будьте на страже!

³⁹ Примерно 7.5 км.

⁴⁰ Примерно 60 на 90 м.

Замок с недавних пор перестал быть мощным оборонительным сооружением и теперь использовался как летняя резиденция герцога Альбрехта. Здесь, среди болот и густых лесов была прекрасная охота на зверя и птицу.

В настоящее время замок Нойхаузен принадлежал супруге герцога Анне Марии Брауншвейгской. Здесь она жила со своим сыном и наследником Альбрехтом Фридрихом в окружении фрейлин, наставников и учителей принца. Она была рада каждому гостю, пытавшемуся скрасить ее уединение.

Приближение дипломатов было своевременно замечено на сторожевой башне. Приветливо затрубили трубы. По спущенному мосту друзья проехали на территорию Замка. Встретивший их слуга, поклонившись, сказал, что герцогиня готова принять «желанного гостя». Другой слуга повёл коней путников в конюшни, расположенные в северном крыле Замка. Семён последовал за ним.

Конюшня, в которую отвели коней прибывших господ, входила в замковый комплекс и выглядела, скорее, как неприступный бастион. Была она выстроена из крупных камней и покрыта черепичной крышей. Мощные стены и узкие окна-бойницы, навевали мысли о том, что, при случае, даже горстка вооружённых людей довольно долго смогла бы держать здесь оборону. Более мирный вид сооружению придавали снующие под ногами куры. Рядом с конюшней были расположены кладовые, кухня и пивоварня.

Внутри вольеров томилось с десятков лошадей. Здесь было прохладно, пахло сеном, конским потом и навозом, который работники конюшни сгребали в кучу и грузили на телегу. Рой мух кружился над этим «богатством».

– Пусть пан гусар не беспокоится, – объявил пожилой, большеносый конюх казаку, когда тот прижал голову своего Каштана к лицу и по привычке шепнул ему на ухо заветное слово. – У нас отличный овёс и свежая вода. Ваш скакун будет доволен... Право слово, какой красавец! – добавил он, снимая уздечку.

– А с чего ты, братец, взял, что я – польский гусар? – поинтересовался Семён.

– Да повидал я вашего брата, – с улыбкой ответил словоохотливый конюх. – На вас польская одежда и по виду вы – бравый кавалерист. Но, поскольку вы сопровождаете господина Вёллера, а он, насколько я знаю, дипломат, то гусарскую службу вы оставили. Возможно, по ранению!

– Однако, остёр у тебя глаз, дружище!

– Когда служишь важным господам, пан гусар, то поневоле должен всё замечать! Вот вы – вроде бы и при дворе, и по виду шляхтич, но сердце у вас настолько же доброе, насколько и благородное. Для многих дворян конь – существо низкое, животное, одним словом. А для вас он – первейший друг!

– Всё верно... Он не раз спасал меня в бою.

– Да что там, по отношению человека к животному можно многое сказать о его хозяине! Иной пнёт во дворе собаку, хлестнёт «для порядка» лошадь... Такому и слугу пришибить – раз плюнуть!

– Да ты, брат, философ!

– Служба наша такая, ответственная, – важно ответил конюх, проверяя подковы на копытах Каштана. – Расчешем гриву и хвост, и будет ваш боевой друг в полном порядке!

– Что ж, прими, приятель, монету за хорошую службу и за столь зоркий глаз!

– Что вы, пан гусар! Клянусь кровью Господа нашего! Это же золотой гульден!

– А я тебя ещё кое о чём попрошу...

– Слушаю вас внимательно, пан...

– Я действительно сопровождаю доктора Вёллера в целях его безопасности... Дело в том, что герр доктор долго отсутствовал в здешних краях. А за это время много что переменилось...

– Да, это верно...

– Меняются господа – меняются лошади...

– И это верно, сударь. Что же вы хотите узнать?

– Каких перемен следует опасаться доктору? Как ты считаешь, полагаясь на свой острый глаз и опыт?

– Сударь, я назову имя одного человека, с которым и вам, и самому доктору нужно держаться настороже! – конюх вмиг как бы сделался меньше в размерах. Он съёжился и осмотрелся по сторонам.

– Эй, Густав, – приказал он своему помощнику, парнишке лет тринадцати. – Возьми ведра и наполни бочку водой!

Дождавшись, пока малый уйдёт, конюх тихо прошептал:

– Пан гусар, остерегайтесь князя Скалу! Как только он объявился во дворе его светлости герцога Альбрехта, так и начались неприятности... Маттиус фон Тротт... в этом стойле он оставлял своего коня, Йозеф Гиммерлинк...

– Кто они?

– Это были советники герцога. Но, князь... По крайней мере, так говорят, и я этим слухам верю... Он избавился от них, заменив своими людьми. А эти люди, Зоннерлихт и Шваубе... вы слышали о них?

– Нет, мы с доктором приехали совсем недавно...

– Теперь они стали советниками герцога. Это – плохие люди. Как и сам Скалих... Много про них сказывают дурного, но я не стану повторять чужие байки... Так вот, Зоннерлихт при мне истязал своего коня! Он бил его плетью по морде! А Шваубе стоял и поторапливал: «Скорее, Генрих, твоя скотина уже получила то, что заслужила, а нас ждёт князь!»... И я был не в силах заступиться за бедное животное. Иначе могли и меня так же...

– Значит, Скалих меняет по своему усмотрению советников герцога?

– Да, а на их место ставит своих людей! Слуги, пан гусар, прекрасно слышат, о чём говорят их хозяева...

– Господа, позвольте представить вам Дитриха Вёллера, врача, дипломата и, насколько я могу догадываться, большого любителя приключений, – с улыбкой объявила герцогиня окружающим её придворным: фрейлинам, магистру Функу, его супруге и помощникам, лейб-медику Титиусу, Якобу фон Шверину и другим лицам, находящимся при дворе Анны Марии Брауншвейгской. – Герр Вёллер – друг и советник моего супруга, герцога Альбрехта и, насколько мне известно, московского царя Ивана IV. Он приехал, чтобы увидеть нашу Серебряную библиотеку и рассказать о нравах и обычаях при дворе московского государя.

– Сердечно приветствую вас, ваша светлость, – с глубоким поклоном ответил Вёллер, сняв свой берет. При этом он отметил, что обычные правила этикета, имеющие место при высоких дворах, тут не всегда соблюдаются. Герцогиня радушно принимает тех гостей, кто ей интересен, не взирая на титулы и звания. – Я также приветствую всех присутствующих здесь господ. И весьма охотно расскажу вам об обычаях и нравах, царящих в далёкой Московии, а кому интересно – и о политических интригах, творящихся при дворе царя Иоанна. К тому же, смею напомнить, что я был и остаюсь врачом и, если кто-то нуждается в моих услугах, то с удовольствием их окажу.

Среди присутствующих возникло оживление. Новый гость обещал необыкновенное развлечение, по которым здесь давно соскучились.

– Надеюсь, что и Вы введёте меня в курс тех событий, которые произошли у вас,... то есть, при дворе герцога, пока я отсутствовал, выполняя его поручение, – добавил Вёллер и опять почтительно поклонился.

После непродолжительного обеда, завершившегося небольшой прогулкой возле Замка и посещением местного зверинца, где животные обитали в огромном загоне, не в клетках, а практически на воле, герцогиня познакомила Вёллера с Серебряной библиотекой.

– *Macte!* – воскликнул дипломат. – Всё имеющее цену – ничтожно, поскольку истинное богатство – бесценно! Воистину, только драгоценные мысли достойны того, чтобы храниться в не менее драгоценной оправе!

Затем герцогиня показала «интересному гостю» внутреннее убранство Нойхаузена. В основном, потолки замковых помещений имели крестовые своды. Впрочем, кое-где сохранились цилиндрические и даже звёздчатые формы, как в местных кирхах. Они укреплялись центральными опорами – восьмиугольными колоннами с фигурными консолями, украшенными ажурным орнаментом. Каменный пол, высокие стены и арочные конструкции создавали необыкновенный акустический эффект, при котором звуки могли «повисать» на долгое время. А бестелесное эхо звучало, кажется, отовсюду и ниоткуда. Попутно Анна Мария рассказала о недавно сооружённых порталах и показала Вёллеру удивительно красивые каминные.

«Очаровательная затворница», как окрестил про себя Анну Марию дипломат, рассудительно говорила и чрезвычайно внимательно слушала. Ей очень нравились рассказы путешественника об обычаях москвитов.

– Герцог передал мне привезённые вами подарки от царя Ивана – чудную соболью шубу и шапку... Вижу, вы немало способствуете укреплению торговых связей между нашим герцогством и Московией?

– Конечно, ваша светлость. Правда, развитию торговли мешает война, которую Московия ведёт с Ливонским орденом. Но я надеюсь, что царь Иоанн сумеет закрепиться на побережье Остзее и тогда, благодаря морской торговле, наши страны начнут процветать! Случись это, пушнина: соболя, норка и песец буду прибывать в Кёнигсберг обозами, а между Нарвой и Пиллау откроется прямое сообщение по морю...

В этот момент к группе сопровождающих герцогиню и дипломата лиц присоединился «красавец-кавалергард», вызвавший восхищённые улыбки среди фрейлин, да и самой Анны Марии.

– Позвольте представить вам, ваша светлость, Симеона Жменю. Он – доверенное лицо московского государя Иоанна. Если у герцога не будет к нему поручений, то он на днях отправится обратно!

Внимательный, чуть насмешливый взгляд герцогини на рослого, симпатичного, но довольно просто одетого путешественника...

– Будьте поблизости, сударь. И впредь не теряйтесь, ... – она улыбнулась уголками губ.

На некоторое время процессия остановилась у картины, украшающей один из залов южного крыла Замка. На ней был изображён опоясанный мечом рыцарь в сфероконическом шлеме с подшлемником и кольчуге с длинными рукавами. В правой руке рыцарь держал короткое копьё, а в левой – щит «норманнской» формы и «иерусалимским» крестом на белом фоне. На ногах – кольчужные чулки и башмаки с подвязанными остроконечными шпорами. Поверх доспехов на рыцаре был надет белый орденский кафтан, украшенный на груди большим золотым крестом с чёрной каймой, а плечи защищены щитками с черным «костыльным» крестом на белом поле.

– Это Великий комтур Тевтонского ордена Рюдигер фон Эльнер⁴¹, – пояснила герцогиня.

В следующем помещении висели картины и гобелены, изображавшие различные сцены из королевской охоты.

– Герцог по-прежнему увлекается охотой? – попытался «перейти к делу» Вёллер. – Я заметил, что он несколько изменился за последнее время...

– Да, – вздохнула Анна Мария. – И это касается не только охоты. Мой супруг неуклонно отходит от дел. В силу возраста и... определённых обстоятельств. Но очень хорошо, что ему

⁴¹ Rüdiger von Elnor (1374—1383).

есть на кого опереться. Ведь у него толковые советники и верные друзья, среди которых – князь Скала.

– Я слышал, это – весьма образованный и компетентный человек... – Вёллер покосился в сторону подошедшего магистра Функа.

– Вы правы. В восемнадцать лет князь Скала, или, как мы его именуем здесь, граф фон Хун, уже был доктором теологии в Болонье, а в двадцать – перебрался в Рим, где вышел победителем из учёного спора с иезуитами.

– Представьте, – добавил Функ. – Он разгромил своих оппонентов в присутствии Игнатiusа Лойолы⁴². А через год стал придворным капелланом императора Фердинанда I.

– А герцог, – опять обречённо вздохнула Анна Мария, – увы, мой друг... бывший Великий Магистр Тевтонского ордена в последнее время все чаще стал общаться с призраками. И неизвестно, к чему бы это привело, если б не князь Скала. Кроме того, что он теолог, он ещё считается и опытным медиумом. Князь сочинил для герцога специальную молитву, содержание которой уместилось на пяти страницах пергамента... К тому же, очень помогли Альбрехту обряды с помощью двенадцати серебряных монет и магического кольца. Хотя, странные, кабалистические знаки, непонятные надписи на древнееврейском, разделённые крестами, по моему, всё это плохо вяжется со святой молитвой и причастием,... я уже не говорю о спиритических сеансах...

– Уверяю вас, герцогиня, что кабалистика – наука весьма благородная и высокая; она ведёт людей по удобной дороге к познанию самых глубоких истин,... – почтенно склонил голову Вёллер.

– Ваша светлость, извольте отведать мозельского, – провозгласил церемониймейстер.

– Пойдёмте к столу, господа.

Так продолжался день. Вёллер вполне освоился в окружающей обстановке и, пользуясь тем, что герцогиня была полностью удовлетворена в своих расспросах о Московии, смог прогуливаться по Замку самостоятельно. Ему не терпелось повидать наследника, которого, как он подозревал, окружающие тщательно прятали. Незаметно проследив за капелланом Функом, дипломат проследовал в западное крыло замка, где в одной из комнат, окна которой выходили в поле, находился сын герцога Альбрехта. Чуть приоткрыв дверь, дипломат и путешественник услышал голос мальчика:

– Магистр Функ, – спрашивал наследник герцога у своего наставника. – Для чего вы учите меня Святому писанию, рассказываете про походы Александра Македонского и подвиги Геракла, о мудрости Аристотеля и Сократа? Так ли это необходимо слабоумному человеку?

Дипломат отметил про себя, что сказано всё было на латыни.

Вёллер осторожно прикрыл дверь и направился в гостиную. Неожиданно, на пути ему встретилась супруга Функа. Он знал, что эта госпожа является дочерью знаменитого Андреаса Осиандера. Учтиво поклонившись, он собирался пройти мимо, но она обратилась к нему с просьбой:

– Простите, сударь. Вы ведь врач...

– Да, сударыня. И буду рад вам помочь...

– Наши доктора заподозрили у меня чахотку...

– Назовите симптомы вашего заболевания, сударыня.

– Одышка... кашель, слабость и ночные поты... Иногда мне кажется, что это старость подкралась ко мне, хотя я ещё довольно молода... Можете ли вы посоветовать мне что-либо более действенное, чем кровопускания и клистиры?

⁴² Основатель ордена иезуитов.

– Конечно, сударыня. Я дам вам добрый совет. Вам кажется, что вы быстро стареете? Это оттого что часто смотрите в зеркало. Да-да... Сделайте так: вынесите из покоев зеркала, через которые по ночам к нам проникают и чёрные силы.

– Неужели? – всплеснула руками дама.

– Но это ещё не всё. От одышки, кашля и слабости помогает свежий воздух, доброе расположение духа и покой. Кроме прочего, настоятельно рекомендую задувать горящую свечу по десять раз утром и вечером... Я бы вам порекомендовал смазывать виски камфорным маслом и заваривать грудные сборы, принимать топленное нутряное сало с молоком. Вместо воды пейте отвар из овса и отрубей. В Московии их час запаривают, потом отжимают, процеживают и пьют по пять глотков утром и вечером. Можно добавлять в отвар мёд и гвоздику...

– Да поможет вам Пресвятая дева Мария! – обрадовано воскликнула дама. – Вы подарили мне надежду на выздоровление!

– А Скалих? – спросил Вёллер. – Разве его сеансы не оказывают целебное воздействие?

– Ох, любезный доктор. Его спиритические опыты не оправдали моих ожиданий. Да и сам он, скажу по секрету, весьма неоднозначная личность. Появился неизвестно откуда, вокруг него – постоянные сплетни и интриги... Недаром, нашлись люди, которые возмутились таким его... поведением. Недавно прусский дворянин Альбрехт Трухзесс фон Ветцхаузен, заявил, что слышал в Вене о том, будто Скалих бесовестно присвоил себе высокий титул...

– И что же? – удивился Вёллер. – Кто-нибудь оспорил это заявление?

– Да, был суд. Скалих требовал доказательств и Трухзесс фон Ветцхаузен обещал их предъявить. Ему был предоставлен год на их сбор.

– Интересно! Продолжайте, сударыня.

– Так вот. Есть сведения, что фон Ветцхаузен собрал чуть ли не повозку документов и отправил их на рассмотрение. Но сам задержался, и вовремя прибыть в Кёнигсберг не успел. По каким причинам он опоздал, держится в секрете... Но Анна Мария и герцог Альбрехт объявили отсутствующего на суде Трухзесса фон Ветцхаузена виновным в клевете. Его приговорили к вечному молчанию и уплате судебных издержек.

Дама вполголоса поведала Вёллеру, что в качестве компенсации за моральный ущерб Скалих получил от Альбрехта разрешение на безопасный проезд по всему герцогству. Но это ещё не всё! Герцог потребовал от других недовольных дворян прекратить всяческие тяжбы против Скалиха. При этом он называл молодого человека «любимым другом», «родственником», «советником» и даже «сыном»! А все действия, направленные против Скалиха, обещал рассматривать как мятеж против собственной персоны! С соответствующими выводами, вплоть до казни. Ну, а Скалих получал право мстить всякому, кто усомнится в его происхождении!

– Спасибо, сударыня, следуйте моим назначениям, и обязательно поправитесь, уверяю вас. Если желаете, то я сам приготовлю для вас лечебные отвары...

У западного крыла замка в зарослях сирени одиноко стояла небольшая беседка. Она была увита плющом и оставалась скрытой от глаз большинства обитателей. Здесь, уже вечером, между фрейлиной герцогини и бравым «польским гусаром» происходил следующий разговор.

– У вас такое звучное имя – Си-ме-он... И – красивое...

– Симеон, сударыня, – имя благочестивых. Оно более подходит к праведникам, монахам или... епископам. Я же – воин!

– Вы – благочестивый воин! – барышня хихикнула, и тут же смутилась. – Вы, говорите, что приехали из далёкой Московии... Но прекрасно говорите по-немецки... Возможно, знаете греческий и латынь?

– Долгое время я служил при дворе нашего государя Ивана Васильевича в Приказе, ведающем дипломатическими сношениями. Усиленно изучал языки. Понимаю немецкий, французский, польский, латынь. Много упражнялся с разговорах с доктором Вёллером...

- Так вы в услужении доктора, ... герр Симеон?
- Нет, сударыня, я служу только своему государю. К доктору я приставлен с целью его безопасности, поскольку он – лицо дипломатическое и действует в интересах как герцогства Пруссия, так и государства Московского.
- Так вы – дворянин? Я затрудняюсь в выборе дистанции в отношениях с вами...
- Гм, вы можете смело довериться мне, сударыня. Мой титул скромн, но те, кто его носит, заслуживают доверия самого государя.
- А какой у вас титул? Виконт? Барон?.. Или, может быть, князь? – она лукаво улыбнулась.
- Милая фрейлина, князь – это, конечно, слишком... Однако и виконты с баронами – это так себе, мелочь. Мой титул – казак.
- Фрейлина сделала большие глаза:
- Казак? Как мило это звучит! Ка-зак... Пожалуй, лучше, чем «баронет».
- Что вы, гораздо лучше.
- Возьмите меня за руку... Так, только не сжимайте очень сильно...
- Это страсть, сударыня... Не могу сдержаться...
- Ну, что вы... Расскажите лучше о дамах, которые находятся при дворе вашего государя... Они очень красивы?
- Да, сударыня. Красивее русской женщины никого нет... Правда, и здесь, в Пруссии, как вижу, с красотой дам всё в порядке... И я, глядя на вас, хочу заметить, что красота весьма удачно сочетается с... утончённостью...
- Ах, сударь... Вы мне льстите, и я подозреваю, что неспроста...
- Милая фрейлина. Пусть я и провёл полжизни в седле, но, узрев распустившейся цветок с капельками росы на таких нежных и... манящих лепестках, вижу в нём величайшее божье творение, а не просто красивую былинку...
- Ах, сударь, вы так красиво говорите, что у любой девушки от подобных слов просто тает сердце...
- Так, может...
- Ах, сударь, отодвиньтесь немного в сторонку. Мужчины так ловко умеют вскружить голову молоденьким девушкам... У вас в Московии, наверное, все благородные кавалеры на это – великие мастера?
- А у вас? Вон, как герр Скалих вьётся вокруг герцогини... И то сказать, грех ли это, ведь её супруг – довольно стар...
- Скалих? Он... очень любезен, но в отношении того, чтобы дать женщине желаемого, ... увы, ... – она кокетливо опустила глазки.
- Да что вы говорите? Вот уж никогда бы не подумал... А какой красавец... Такому подобрать ключик к сердцу герцогини...
- Даже не думайте, сударь. Он равнодушен к дамам.
- Но он не похож ни на скопца, ни на...
- Он – ни то, ни другое, – она коснулась ладошкой губ казака, призывая того к молчанию. – Мы с фрейлинами много говорили о нём... Он ни к кому из нашего женского общества не имеет ни малейшего расположения. Хотя, уместно шутит, улыбается, даже, порой, заигрывает...
- Ну, вот видите...
- Что вы, герр казак... Вы бы хоть раз заглянули в его глаза – они пустые. В них нет огня страсти... Вот ваш взгляд, он настолько горяч, что я чувствую его жар на расстоянии!
- Так уменьшите же это расстояние, милая фрейлина, и пусть вам станет ещё жарче!
- Постойте, сударь... Не стоит так спешить...
- Но нас никто не видит...

– Вы пользуетесь своим влиянием на нас, скромных девушек, фрейлин герцогини... Вы, наверное, думаете, что все мы так легкомысленны...

– Рядом с вами я не могу думать ни о чём другом, только о вас...

– У вас такое мужественное лицо, герр Симеон. Вы так горячи, так... неистовы, как...

– ...как любой живой человек, сидящий вблизи с такой утончённой красавицей, с такой нимфой...

– Вот именно, что живой. А вот Скалих...

– И чего же в нём не хватает?

– Не знаю... Души или сердца... Порою, он напоминает мне куклу... Говорящую куклу.

А вот вы... Совсем другое дело... Я... Ой, герр казак...

– Простите, милая фрейлина. Мои губы просто хотели что-то сказать вашим губам...

– Они поняли это...

– Смею ли я надеяться...

– Не спешите, сударь...

– Не спешить? Скоро заканчивается моя служба при герре Веллере, и я отправлюсь домой. В Московию.

– Скоро? – чуть не плача, воскликнула она.

– Я бы хотел, чтобы вы отправились вместе со мной, сударыня. Подарите мне надежду!

Согласны ли вы пуститься в столь дальний путь с мужчиной, носящему титул «казак»?

– С вами, – чуть дыша, ответила она, – хоть на край света, хоть в самую преисподнюю, хоть... в вашу Московию...

Глава 7. Чертовщина в окрестностях Нойхаузена

«...В замке Нойхаузен по ночам поднят мост через ров, зато открыты окна. Свежий воздух несёт в себе целебные флюиды: ощущается аромат летних трав с окрестных полей и слышатся крики ночных птиц. Однако уханье филина не страшит, поскольку лес довольно далеко от замка.

*Но иногда в полночь зловещий крик ночного хищника раздаётся совсем рядом...
Во внутреннем дворе Замка...»*

На самом краю соснового леса, в зарослях ольхи и густого орешника, стараясь оставаться незамеченным со стороны замка Нойхаузен, уже несколько часов стоял странный человек. Он был укутан в тёмно-зелёное покрывало из дешёвой шерсти и практически сливался с листвой деревьев. Его безволосую голову и лицо скрывал капюшон, а прищуренные глаза были устремлены в сторону Мельничного пруда. Отсюда было удобно наблюдать за путниками, выезжавшими из замка Нойхаузен. Единственная дорога, ведущая от речки-рва в сторону Кёнигсберга, проходила в нескольких шагах от человека, следящего за замком.

Дозорный совершал на удивление мало движений. Казалось, его совсем не донимали комары. Рядышком прошмыгнул крупный заяц, над самой головой захлопал крыльями потревоженный белками глухарь, а этот человек даже не шелохнулся. Могло создаться впечатление, что он неживой, настолько неестественной казалась его малоподвижность. Но, блестящие в лучах восходящего солнца глаза, время от времени все же моргали. Лёгкий утренний ветерок шевельнул зелёную, кое-где украшенную жемчужными каплями листву и ниточка паутины коснулась его сухих и узких губ, но он не обратил на это никакого внимания.

Но, вот человек словно очнулся. Его тело несколько подалось вперёд, а губы растянулись в улыбке, более похожей на оскал, выставив напоказ кривые желтые зубы. Со стороны замка слышался цокот конских копыт. Вскоре из-за кустарника, росшего по краям речки и пруда, появилась фигура всадника. Он ехал не спеша, пустив коня мелкой рысцей. Убедившись, что беспечного путника никто не сопровождает, наблюдавший за ним человек повернулся к лесу и издал звук, напоминающий уханье филина. В ответ ему раздался подобный крик. Бросив хищный взгляд на дорогу и неспешно приближающегося всадника, «наблюдатель» шагнул за ближайшее дерево и словно растворился в лесной чаще.

Доктор Вёллер лишь с виду выглядел беспечным. Сам он прекрасно понимал, что на обратном пути в Кёнигсберг его вполне может подстерегать серьёзная опасность. Поэтому оружие держал наготове и в любой момент мог дать молниеносный отпор. К тому же, следом за ним с интервалом всего в минуту выехал его друг и соратник Симеон Жменя. Утро было прохладным, чувствовалось приближение осени. Доктор любил это время года. Оно его успокаивало и, будь сейчас менее тревожная обстановка, навевало бы умиротворение, лёгкую, добрую грусть и желание поразмышлять о чём-то далёком и прекрасном.

Ситуация при дворе Альбрехта прояснялась. Пользуясь покровительством престарелого герцога, молодой авантюрист Скалих постепенно приблизился к правителю и, видимо, собирался стать его преемником.

Ещё позавчера дипломат случайно услышал фразу, мимолётно брошенную Скалихом Функу:

– Есть люди-собаки... я же, как кошка...

– Прошу прощения?.. – сделал непонимающее лицо магистр, а Вёллер напряг слух.

– Первые преданы своему хозяину и благодетелю бескорыстно, а я – по трезвому расчёту... Слабоумный наследник не может быть полноценным правителем. А как поступает гон-

чар с неудачным горшком? Правильно, разбивает... и лепит вместо него новый... Моя забота – найти достойную замену герцогу!

Дальнейшее расследование показало, что это были не пустые слова – Скалих собирался стать регентом при наследнике трона! Что в этом случае ждёт герцогиню Анну Марию? Томас Волькенштайн уже дал ответ на этот вопрос: она умрёт. А что ждёт наследника? Если он заявит о себе как самостоятельный, сильный и здравомыслящий человек, его, несомненно, ожидает та же участь. Но, пока мальчика считают неизлечимо больным и слабоумным, у него есть шанс выжить. Похоже, сам Альбрехт Фридрих понимает это и принимает навязанные ему правила игры. Хотя, делает это через силу...

Умный человек должен понимать больше, чем сказано. И так, двор герцога Альбрехта переполнен заговорщиками, во главе которых стоит, несомненно, Пауль Скалих. Все они ждут скорой кончины своего повелителя... и тогда произойдёт захват власти! Как часто созревшие плоды обламывают ветви дерева, отдавшего им все свои соки...

Анна Мария... Слишком мало внимания она уделяет своему сыну, слишком быстро поверила в его помешательство... Возможно, её устраивает такое положение дел? А вдруг между Скалихом и нею существует тайная связь... Но оба не дают ни малейшего повода для сплетен, иначе это может стоить им очень дорого...

Функ... С одной стороны, он как бы выполняет указания всемогущего фаворита герцога, внушая наследнику мысль о его слабоумии, пробуждая в мальчике чувство неуверенности, беспомощности и страха... А если подобным образом он старается спасти принца? Ведь пока тот считается слабым претендентом на власть в герцогстве, ему ничего не угрожает...

Но Скалих... Хорош гусь! Как ловко он провёл герцога! А тот ведь и впрямь души не чает в своём «верном советнике», «любимом друге» и «сыне»!

Ладно, Скалих присвоил себе титул... Но знания, какими он блистал в Болонье и при дворе Фердинанда I! А обаяние и ум, которыми он сумел ослепить старого герцога и его супругу! Неужели всё это – красочные маски хитрого, коварного и жестокого существа? Слишком много необычного для обычного человека...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.